

Прот. Димитрий Константинов

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

«ЗАРЯ»

ПРОТОИЕРЕЙ

ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВ

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЛИГИОЗНЫЕ БЕСЕДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ"

1987

Very Rev. D. Konstantinow
THE SPIRITUAL LIFE

ISBN 0-920100-30-9

Отпечатано в год преддверия
великого и славного торжества
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ
988 - 1988

ZARIA
73 BISCA Y ROAD
LONDON, CANADA N6H 3K8

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Слово о Рождестве	7
Притча о талантах	12
Исповедание	18
Предательство	23
Гадаринские бесноватые	28
Божий суд	34
Беседа о смирении	39
Милосердная простота	44
Любостяжание	49
Беседа о Закхее	54
Притча о Сеятеле	58
”Кто прикоснулся ко мне?”	63
Подвиг поста	68
О преподобном Серафиме Саровском	75
Суббота для человека	80
Осуждение и оправдание	85

ВВЕДЕНИЕ

Что такое духовная жизнь? Казалось бы, несложный вопрос, но ясный ответ получить на него не так просто. Совершенно по-разному толкуется этот термин. В наши дни он получил достаточно широкое и расплывчатое гуманитарное толкование, имеющее определенный, плохо замаскированный антидуховный смысл.

Отметим прежде всего... В православном понимании духовная жизнь — это жизнь в Боге и все то, что непосредственно связано с ней. Богослужение, молитва, чтение и изучение Священного Писания, научно-богословская деятельность, миссионерство, проповедь, различные виды церковного служения и т. п. — все совершаемое во имя Господне и составляет то, что мы называем духовной жизнью. Духовная жизнь — это прежде всего живая связь с Богом.

В наши дни термин "духовная жизнь" широко используют люди, часто не имеющие к ней ни малейшего отношения. Употребляют этот термин и лица, далекие от всякой религиозности, используют его и атеисты, присваивая себе то, что им совсем не принадлежит. В этом случае под духовной жизнью понимается почти вся область человеческой культуры, в первую очередь наука, литература, искусство, идеология и т. п., а в том числе условно и религия, поставленная на одну "полку" со всей человеческой культурой. Это так называемая духовная жизнь "в широком понимании" этого термина. С этой точки зрения на равноправном положении находится, например, Церковь и дьявольские секты, тоже формально, якобы, относящиеся к духовной жизни человечества. Подобная, предельно секуляризированная точка зрения, переходящая в безрелигиозность или в открытый атеизм, не может быть принята нами, т. к. она возводит в категорию духовной жизни антидуховные явления. Антидуховность, псевдодуховность, темная ду-

ховность — реальности, попадающие по нынешней классификации, построенной на "широком понимании", в рубрику духовной жизни. Мы отрицаем подобный подход. Нет сомнения: история человеческой культуры содержит в себе огромное количество элементов подлинно духовной настроенности, но одновременно она содержит в себе немало и антидуховного.

Поэтому, когда мы говорим о духовной жизни, мы говорим лишь о жизни религиозной, о духовной жизни в собственном смысле этого термина и о всем, что непосредственно соприкасается с нею, творя Божие дело на земле.

Предлагаемый вниманию читателей сборник бесед посвящен теме о духовной жизни в ее православном понимании. Не о всей духовной жизни, а об отдельных ее элементах, рассматриваемых в группе статей, объединенных в данном издании. Они были написаны в 70-х — 80-х годах, и большинство из них печаталось в зарубежной печати, в частности в газете "Новое Русское Слово" (Нью-Йорк), в журналах "Голос Зарубежья" (Мюнхен) и "Русско-Американский Православный Вестник" (Нью-Йорк). В них рассматриваются практические проблемы, связанные с духовной жизнью верующих людей. Они рассчитаны на широкий круг читателей, в том числе и на неискушенных в делах веры.

В огромной богословской литературе нашего времени популярных книг почти нет. А в них ощущается острая нужда. Объясняется это не только недооценкой значения духовной литературы для широких читательских кругов, но и тем, что писать о духовной жизни в популярном изложении, при этом не снижая его богословского уровня, гораздо труднее, чем писать привычным элитарным языком. Такова реальность наших дней, на которую мы реагируем выпуском этого малого издания, посвященного духовной жизни.

Январь 1987 г.

С Л О В О О Р О Ж Д Е С Т В Е

Снова подошли рождественские праздники. И, как каждый год, почти в каждом органе печати будут опубликованы статьи, посвященные Рождеству. Казалось бы, написано столько, что писать, по существу, уже больше нечего. И, тем не менее, несмотря на огромное количество рождественских статей, можно еще очень многое сказать по поводу этого христианского праздника. Большой отпечаток на судьбах мира оставило Рождество Христово. И не только этого мира, но и того невидимого мира, который реально существует, но не является зримым для всех. Для одних последний — несомненная реальность, часто запечатленная явной промыслительностью жизни тех или иных людей, для других — вероятная гипотеза, для третьих — миф, рожденный в глубинах истории человечества.

Прошло почти две тысячи лет с тех пор, как в мире свершилось подлинное чудесное событие, почти незамеченное современниками, но оказавшее огромное влияние на жизнь человечества. И мы снова и снова говорим о Рождестве Христовом, о явлении в мир Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, и, очевидно, будем говорить об этом до конца человеческой истории.

Мир любит славу, богатство, власть... Но богатство, слава, власть могут быть совершенно различными. С человеческой точки зрения, обыденного сознания, Христос приходит в мир не в славе и богатстве. Он рождается в тихом, провинциальном городе Вифлееме, в скромной семье, добывающей себе средства к жизни плотничьим делом. Но родившись в семье скромного плотника, ка-

кую необычайную духовную власть приобретает Он на земле, источником какого духовного богатства Он является для людей, какую подлинно Божественную славу Он обретает в веках!

Христос родился в Вифлееме иудейском. В первую же ночь своей земной жизни Он почти не имел крыши над головой. В эту ночь все тогда весьма немногочисленные гостиницы города были переполнены в связи с народной переписью, проводившейся в Иудее по распоряжению римских властей. По этой же причине Святое Семейство оказалось в это время в Вифлееме. И так как места в гостинице не было, то Мать Иисуса, вместе с другими оказавшимися без крова, нашла себе пристанище за городом в пещере, в которой в плохую погоду укрывался скот.

Господь родился в обстановке, лишенной даже тех примитивных удобств, которые имели тогда самые скромные жилища. Его Мать спеленала Младенца и положила Его в ясли на солому, потому что иного места для Него в этом мире не оказалось. И лишь после того как освободилось место в одной из гостиниц, Святое Семейство перешло туда и осталось на некоторое время в Вифлееме, чтобы выполнить предписание властей и дать отдых Его Пречистой Матери. Уроки смирения и оценки реальности традиционных ходячих ценностей мира сего!

Кто встретил пришествие Христа в мир? Кто склонился перед Ним в эту святую ночь? К Нему пришли не великие мира сего, а бедные пастухи, пасшие свой скот неподалеку от пещеры. Они пришли к Нему и окружили ясли, в которых Он лежал, и в своей простоте, не искусенной земной мудростью, радостно и благоговейно поклонились Тому, Кто определил и определяет ход земной истории в продолжение многих веков. Простота, искренность, непосредственность были теми положительными ценностями, которыми мир встретил Рождение Христа, уполномочив на эту встречу вифлеемских пас-

тухов. На большее, с земной точки зрения, мир не был согласен.

Весь ли мир? Нет, не весь. Христа встретило и нечто другое, также положительное. В эти самые дни представители таинственной древней науки, трое восточных мудрецов-ученых, знавших о явлении в мир Спасителя, прибыли поклониться Ему. Они принесли в дар Младенцу золото, ладан и смирну, то лучшее, что могла дать в то время из своих материальных ценностей земля. Восточные ученые своим прибытием в Вифлеем символизировали неразрывный союз подлинной науки с христианскими ценностями, принесенными на нашу планету две тысячи лет назад.

Есть Истина и есть относительные истины. Первую люди ищут и в своих заблуждениях не могут найти. Подлинная истина не терпит крикливой человеческой рекламы, она воздерживается от почестей, на которые столь падки люди века сего. Она избегает "народных восторгов", ей не нужен дешевый и непродуманный, постоянно сменяющийся общественный авторитет. Истине не нужна общественная поддержка. Она ее не ищет, так как ее сила превосходит все тленное, человеческое. Она приходит в мир, остается в этом мире, привлекая к себе всех любящих ее.

Относительные истины, подчас преходящего характера, наоборот, ищут так называемой популярности, авторитетов, несмолкаемой рекламы — всех тех временных и спорных ценностей, которыми окружают себя сыны века сего. Они тоже нужны на своем месте, но блекнут при сравнении с абсолютной и несменяемой Истиной.

Две тысячи лет назад Вифлеем сталместилищем пришедшей в мир Истины, ставшей сердцем и совестью огромной части человечества. Господь родился в Вифлееме в более чем скромной обстановке и в дальнейшем, до Своего выхода на проповедь, пребывал в обычных условиях, свойственных трудящемуся человеку того вре-

мени. Христос не с сильными и богатыми. Он с теми, кто добросовестно и честно трудится и добывает сам все необходимое для жизни, смиренно и с верою во всемогущий Промысл совершает свой земной путь. ”Днесь Христос в Вифлееме рождается от Девы; днесь Безначальный начинается, и Слово воплощается; силы небесные радуются, и земля с человеки веселится; волхвы Владыке дары приносят, пастыри рожденному дивятся. Мы же непрестанно вопием: Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!”

Но благоволение относилось не ко всем людям. С первых же дней Своего земного бытия, Он сразу же сталкивается с противоборствующим злом, стремящимся погубить Его. На Него ополчается земная сила, объятий злом правитель иудейский Ирод, ошибочно видящий в Богомладенце потенциального претендента на его подвластный Риму престол. В результате этого злого противоборства Святое семейство уходит в Египет, во имя спасения Младенца. Можно сказать и по-другому: Святое Семейство эмигрировало в Египет, спасаясь от гонений светской власти. И пусть об этом факте, часто забываемом, помнят все те верующие люди, которые подчас скорбят о своей судьбе эмигрантов. Эмиграция, конечно, не шутка и не увеселительная прогулка. Но и путешествие из Вифлеема в Египет пешком, с помощью лишь ослика, через жаркую, безводную пустыню – было трудным и опасным шагом. Но зло беснуется, и после ухода Святого Семейства в Египет происходит избиение младенцев, родившихся в Вифлееме приблизительно в это же время. Льется кровь ни в чем не повинных детей. Зло торжествует в слепой надежде, что среди погубленных окажется и Тот, Кому поклонились великие мудрецы Востока и кого они называли ”родившимся царем иудейским”. Но этого, как известно, не случилось. И через некоторое время Господь со Своими земными родителями возвращается обратно и поселяется в Назарете.

Спаситель пришел в мир именно тогда, когда значительная часть человечества, на плечи которой падала главная ответственность за исторические судьбы людей, духовно созрела для Его принятия. Эта часть человечества, прошедшая через бездонные глубины еврейского единобожия, через легкую, как бы прозрачную, ткань античной культуры, через таинственную мистику Египта, воспринявшая наследство более древних языческих культов, готовилась стать восприемницей нового благовестия, воплощенного в Новом Завете. Для восприятия (хотя бы и очень несовершенного) Нового Завета надо было ориентироваться не только на ученых книжников или философов, которых было тогда не так уж и много. Речь в данном случае идет не об избранных мира сего, а о том, что учение Христа должно было быть воспринято обыкновенным средним человеком той эпохи. И что это именно так, ясно видно из следующего примера: Евангельское благовестие одинаково действенно воспринимается и учеными интеллигентами того времени — апостолом Павлом и врачом Лукой, и простыми рыбаками Галилейского озера, ставшими апостолами и пошедшими за Ним.

”Христос рождается, славьте...” — славьте Его чистым сердцем и благоговейною душою, славьте в делах, совершаемых во имя Его, славьте в помышлениях ваших, славьте в молитвах, обращенных к Нему. Христос на земли, Он с нами и будет с нами во веки веков. Аминь.

ПРИТЧА О ТАЛАНТАХ

В Евангелии нет ничего "не важного" или второстепенного. Все важно и все первостепенно. Но отдельные евангельские повествования отмечаются особенной духовной "нагрузкой", особой значимостью для человечества. К таким местам в Евангелии относится Притча о талантах. Она рассказывает о человеке, отправлявшемся в чужую страну, призвавшем рабов своих и поручившем им блюсти имение свое. "И одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился" /Матфей, XXV, 15/. Отметим чрезвычайно важное обстоятельство: каждому было дано в соответствии с его силами, и не более.

Евангелист Лука дополняет сказанное, отмечая, что человек, отправлявшийся в дальнюю страну, был высокого рода и ехал, "чтобы получить себе царство и возвратиться" /Лука, XIX, 12/.

В Евангелии от Матфея речь идет о талантах, означающих определенное количество серебра, в Евангелии же от Луки говорится о "минах" серебра. Мина означает фунт серебра. В обоих случаях речь идет об одном и том же благородном металле, символизирующем духовную жизнь человечества.

"Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего" /Матфей, XXV, 16--18/.

Таланты или мины серебра -- это те способности, таланты, дарования, которые Господь дарует каждому че-

ловеку, приходящему в мир. Согласно Евангелию от Матфея, одному человеку дается больше талантов, способностей, дарований, другому меньше, но от каждого Господь ожидает использования в полную силу вложенных в него возможностей. Эти возможности предусмотрены и целенаправлены, они в каждом отдельном случае играют определенную роль в Божием домостроительстве.

Одному человеку нередко дается одновременно несколько способностей, из которых он может развить одну или несколько. В этом отношении людям предоставляется абсолютная свобода. В Божием домостроительстве активно участвуют прежде всего те, кто хочет в нем участвовать. Здесь нет принуждения, нет нежелания; каждый волен выбирать... Другому дается один талант, одно ярко выраженное призвание, которое он имеет все возможности выполнить. Весьма часто люди с ограниченным выбором способностей добиваются очень многого, сосредотачиваясь на чем-то одном. Вариантов здесь много и все предусмотреть невозможно.

Но надо отметить следующее, весьма важное, незамечаемое многими читающими Священное Писание и изучающими его. Человеку дается пять евангельских талантов. Пять возможностей, пять различных вариантов его деятельности и развития. Здесь речь может идти о промыслительной предварительной запланированности его земной жизни. Ему дается максимальная, средняя и минимальная программа его возможной деятельности. Он может устремиться в какую-то одну сторону или совместить ее еще с другой родственной первой деятельностью, он может, в силу промыслительно слагающихся обстоятельств, в определенные моменты своей жизни переключиться еще и на другие свои таланты и выполнить предначертанное Промыслом в наиболее полном его варианте. Бывают уникамы, совмещающие сразу несколько дарований. Человек может быть профессиональным

ученым, одновременно писателем, одновременно отличным педагогом, хорошим администратором и знающим военным. Все это иногда одновременно совмещается в одном лице. Более частый вариант, когда подобная одаренная личность в определенные моменты своей жизни несколько изменяет свой основной курс, исходя из конкретных обстоятельств. Нам приходилось видеть незаурядных научных работников, одновременно поэтов или журналистов, педагогов, которые становились в военное время неплохими командирами батареи или батальона, или роты. Эта их приспособляемость к изменяющейся обстановке не является случайностью; это, в сущности, функция данных им разнообразных талантов. Нам скажут: офицерское звание? Война? При чем тут евангельские таланты? Разве они для этого даются? "Жребии сынов человеческих не самослучайны суть, но в деснице Его выну содержатся" /Акафист Св. Архистратигу Михаилу, Кондак 7/, и в этом плане могут иметь место явления, при поверхностном подходе непонятные и как будто несовместимые с духом Евангелия. Но это только на первый взгляд. Если взглянуть в глубину всех этих явлений, то можно заметить их несомненную несамостоятельность, промыслительность.

Господь посылает каждого человека в мир, просвещая и освящая его, давая ему определенные способности, таланты, намечая его место в Божием домостроительстве. Одному — один талант, другому два или три, иному четыре, пять и даже больше, переключая его в нужные моменты с одного рода деятельности на другой. Но при этом остается одно условие. Человек, повторяем, абсолютно свободен, но тот, кто хочет остаться в лоне Божией благодати, тот должен совершать свой жизненный путь в плане данных ему способностей, сознавая свое место в этой жизни как благодатный путь, промыслительно намеченный для него. Почему именно этот путь, а не другой -- нам точно знать не дано, но наиболее

духовно зрячие люди понимают как свое назначение, так и назначение людей, с которыми они так или иначе соприкасаются.

”Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два” /Матфей, XXV, 16—17/. Почему оба получившие таланты приобрели на них новые? Разве в этом было их назначение? Деятельность человека, успешно идущая в рамках дарованных ему талантов, развивает их, возводит их на более совершенную ступень. Они приобретают новое, более совершенное качество, одновременно приближая личность к Богу. В процессе совершенствования могут появиться еще дополнительные новые способности, таланты. Рост данных Богом талантов является главной творческой задачей каждой человеческой личности. Речь идет не только о выполнении ”программы”, но и о духовном росте личности, сознательно участвующей в Божием домостроительстве.

”Получивший же один талант пошел и закопал его в земле и скрыл серебро господина своего” /Матфей, XXV, 18/. Отсюда и идет часто употребляемое в русском языке выражение о людях, закапывающих свой талант в землю.

Рабы, получившие таланты, отчитываются перед своим господином в своей деятельности. Получивший пять талантов получил на них еще другие пять талантов. Получивший два таланта, приобрел на них другие два таланта. По Евангелию от Луки, один из получивших мину серебра приобрел на нее десять мин. Другой получил пять мин. По Евангелию от Матфея верные сотрудники господина своего слышат: ”Хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был мне верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего” /Матфей, XXV, 23/. В варианте притчи, данном евангелистом Лукой, мы слышим: ”И сказал ему: хорошо, добрый раб! За то, что

ты в малом был верен, возьми в управление десять городов” /Лука, XIX, 17/.

Но наступает момент, когда к господину приближается раб, получивший один талант. Приближается человек, не захотевший развивать данный ему промыслительно талант и пошедший по совершенно иным путям, далеким от Бога, а иногда и просто враждебным Ему. Он, возможно, пошел по тропинкам, проложенным темными силами, уведшими его в нескончаемые и мучительные заросли греха. Эти пути так или иначе приводят к враждебному отношению к Богу, что мы и видим в окружающей нас жизни. Этот раб возвращает господину данную мину, или талант: ”Господин! Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; и убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое” /Матфей, XXV, 24—25/. Господь называет этого человека лукавым и ленивым рабом. Он отделяет его от всех других и выбрасывает во тьму внешнюю, т. е. удаляет его от общения с Богом. И при этом произносится фраза, ставшая камнем преткновения для многих, часто не понимающих ее смысла.

”Итак возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет” /Матфей, XXV, 28—29/.

Особенно яростно набрасываются на это место в Евангелии, не желая его понимать, советские атеисты. По их мнению, Евангелие становится на сторону богатых, предлагает отнять все имущество у бедняков и передать его богатым людям. Атеисты не могут или нарочно не хотят подняться до действительного понимания Св. Писания, а не барахтаться в пошлых и вульгарных трактовках, комментируя его содержание, искажая и фальсифицируя его. В Евангелии сказана неоспоримая правда. Каждому человеку даны способности, таланты, малые или большие — безразлично. Если он их не разви-

вает, то они у него замирают и постепенно исчезают. Если физкультурник не может систематическими упражнениями развивать свои мускулы, то они постепенно ослабеют и выведут его из игры. Если певица не будет развивать свои вокальные возможности, то она рано или поздно должна будет забыть о своей артистической карьере. Если художник не будет систематически заниматься, например, живописью, то рано или поздно его талант заснет и окажется невосстановимым. Человек, не развивающий своих духовных и иных возможностей или талантов, неизбежно потеряет их. В этом заключается железный закон развития человечества, относящийся ко всем областям жизни и особенно к духовно-религиозной. Трактовка этого евангельского изречения советскими атеистами невыразимо глупа, пошла и неверна, став своего рода "паспортом" советского "научного атеизма".

Притча о талантах освещает как прожектором основную линию развития человеческой жизни, говоря о главном в ней, о творческом начале жизни, о приобретении и развитии духовных талантов, промыслительно подаренных каждому человеку, во имя его жизни, жизни других и во имя вхождения в поток вечности, в котором сольются все таланты, развитые и приобретенные нами на этой земле.

ИСПОВЕДАНИЕ

Сложно и трудно говорить об исповедании, но необходимо, особенно в наши духовно судьбоносные времена.

”И так всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным” /Матфей, X, 32 – 33/.

Исповедание и отречение, отречение и исповедание, эти два понятия, несмотря на свою противоположность, неразрывно связаны между собой, и там, где было исповедание, может случиться отречение, и где было отречение, там может раздаться истинное исповедание. Апостол Петр исповедал Христа и, без всяких сомнений и колебаний, последовал за Ним, бросив все свое скромное имущество на берегу Геннисаретского озера. Он же в критический момент земной жизни Спасителя кратко-временно отрекся от Него, но всей своей последующей жизнью и смертью искупил этот тяжкий грех.

Исповедание и отречение, отречение и исповедание — эти своего рода ”диалектические противоположности” часто проходят по всей человеческой жизни, оставаясь, как это ни странно звучит, не замеченными многими их носителями. Многообразны формы отречения от Христа отдельных людей, групп людей и даже целых государств. И это многообразие форм и их распространенность делают их как бы ”узаконенными” и незаметными.

Если спросить почти любого человека о том, что же такое исповедание, то в большинстве случаев вы услыши-

те, что это всякого рода заявления о вере в Господа. Вы услышите и о форме этих заявлений, т. е. об их печатном, устном, письменном оформлении или об их передаче по радио, по телевидению и т. д. и т. п.

Все это, конечно, верно, но обычно исповедание, так же как и отречение, рисуется людям именно в таких крайних ширококвещательных формах. К ним особенно привыкли в СССР, где каждое случайное или запланированное отречение от веры преподносится населению в указанных выше формах, в целях пропагандного соблазна и устрашения несдающихся.

Но дело не только в этом. Мы часто говорим о подобных методах исповедания или отречения, забывая о том, что есть гораздо менее заметные формы того и другого, встречающиеся ежедневно и ежечасно.

Исповедание Господа заключается не только в громких заявлениях, иногда стоящих на грани ширококвещательного фарисейства, а в чем-то другом, более скромном и значительном. Исповедание Господа — это не только просто декларации, остающиеся иногда беспочвенными заявлениями, а свершение их в жизни. И люди, любящие храм Божий, постоянно посещающие и молящиеся в нем, принимающие активное участие в церковной или вообще религиозной жизни, трудящиеся в этом храме, добротворящие в нем, — своей деятельностью и поведением тоже во всеуслышание исповедуют Господа. Напряженность, ответственность подобного исповедания ощущается явно особенно там, где посещение храма и активное участие, например, в приходской жизни связано с неприятностями и даже опасностью, искусственно создаваемыми теми, кто упорно хочет стереть с лица земли веру в Бога. В этих условиях все простые и естественные для каждого верующего действия перерастают в подвиг исповедничества.

Но и там, где Церковь живет в относительно нормальных условиях, где нет прямой опасности для верую-

щих, посещающих храм Божий, — там церковное поведение верующего христианина в секуляризованном окружении "мира сего" является тоже явным исповедничеством его веры в Господа.

Это исповедничество еще ярче проявляется и там, где верующие люди, исполняя повеления Спасителя, идут в мир проповедовать слово Божие, т. е. занимаются миссионерством, столь нужным в наше страшное время. И не о грандиозных и многотысячных миссионерских "акциях" говорим мы. Не о столь соблазнительных масштабах подобного рода деятельности, тоже, очевидно, кому-то нужных, но остающихся, как правило, случайными, а о тихой, незаметной, систематической миссионерской деятельности, часто совершенно индивидуальной, говорим мы здесь. Эта незаметная на первый взгляд, но весьма эффективная деятельность является тоже одним из свидетельств нашего исповедничества. Миссионерство, упорно и подчас незаметно проводимое в разговорах с отдельными людьми, с группой людей, — есть подлинное активное исповедание Господа, то исповедание, о котором нас учит Господь Иисус Христос.

А там, где всякого рода миссионерство рассматривается как запрещенная законом "религиозная пропаганда", за которую верующему человеку грозят неисчислимые кары, там мы снова будем говорить о подвиге исповедничества, подвиге, ведущем к зарождению святости у его носителей. Этим подвигом явится в данном случае простое утверждение своей веры в любом частном разговоре, ибо никогда не известно, будет ли иметь подобный разговор неприятные последствия.

И то же исповедничество, только несколько иного характера, будет и тогда, когда мы просто скажем о своей вере людям западного псевдопрогрессивного толка, для которых наша вера есть явление "ненаучного характера", свидетельство нашей "отсталости" и даже своего рода "унтерменшенство". Это, однако, нисколько не ме-

шает западным "прогрессистам" приносить клятву на Библии там, где это им выгодно или положено по традиции, давно лишенной какого-либо смысла.

Поэтому-то дело исповедания Христа, к которому Он нас зовет и вне которого нам нет части со Христом, не является какой-то отдельной торжественной акцией, а носит повседневный, даже "будничный" характер и может проявляться в сотнях мелочей, связанных с нашей религиозной жизнью. Это повседневное исповедание Господа в любой обстановке нисколько не меньше, а может быть, даже важнее и больше тех крупных миссионерских акций, о которых мы упомянули выше.

Подобно тому как исповедание Бога в своих проявлениях может носить совершенно разнообразный характер, подобно этому отречение от Христа может произойти в самых незаметных формах и даже скрыто от нас. Большинство верующих людей скажут, что они никогда не отрекались от Христа так, как отрекаются от Него так называемые современные "герои" советского атеизма, превращавшие свой переход на сторону безбожия в позорный клубный спектакль на радость дьявольским силам, восставшим на Христа.

Но случается и нечто иное. Мы можем часто своими незаметными на первый взгляд делами отречься от Христа. Это фактическое отречение будет иметь место тогда, когда мы откажемся по совершенно несущественным причинам от посещения храма, когда мы откажемся от участия в церковной жизни, хотя это наше участие, быть может, в данный момент будет необходимо; мы отречемся от Христа, когда постесняемся в любом частном разговоре исповедовать свою веру, потому что будем находиться в "прогрессивной среде", не верующей в Христа и открыто декларирующей свое неверие; мы отречемся от Христа, потому что признание себя верующим человеком может повлечь за собой всякого рода житейские неудачи; мы отречемся от Христа, когда постара-

емся пропустить мимо ушей хулу на Христа, исходящую от людей, враждебно настроенных по отношению к религии, и нам покажется "неудобным" возражать им; мы, наконец, отречемся от Христа, когда, совершив грех, не пойдем по пути апостола Петра и не принесем искреннее покаяние, и останемся бесчувственными к данному факту. Мы отречемся от Христа еще во множестве чисто житейских ситуаций, когда самый факт отречения останется незаметным для нас, ибо сами мы не всегда отчетливо понимаем, что именно мы делаем.

Мы отречемся от Христа, когда останемся безучастными к тому издевательству над Распятым, когда всякого рода "борцы за права человека" требуют убрать с площадей и иных публичных мест христианские реликвии, по той причине, что их присутствие якобы нарушает свободу граждан той или иной страны. Это особенно часто происходит сейчас в западном мире. Мы отречемся от Христа, когда промолчим на оправдательное послание очередного народного избранника, объясняющего свою позицию при голосовании, например, по вопросу, можно ли прочесть молитву в школе перед началом занятий. Он, видите ли, голосовал против, так как чтение молитвы нарушает конституционные права неверующих. Беспокоится он только о правах неверующих, а куда делись конституционные права верующих, которые имеют право на молитву? Много можно сказать по данному вопросу, но мир идет туда, куда ему предназначено идти. Наше же дело оставаться исповедниками нашей веры везде, где только это возможно.

Такова реальная действительность того, что мы называем исповеданием, и его противоположности — отречения. Эта действительность говорит нам о том, что надо быть очень осторожными в своих поступках и решениях, часто не осознанных нами в религиозном плане, ибо простые, на первый взгляд даже чисто житейские, ситуации, кажущиеся многим совершенно безобидными, мо-

гут носить в своей глубокой сущности признаки отречения от Христа.

И наоборот, наши решения, подсказываемые совестью и тоже, на первый взгляд, не носящие в себе ярко выраженного религиозного начала, на поверку могут оказаться отчетливо выраженным исповеданием веры, исповеданием, не замеченным по смирению, проявленному его носителем, но столь ценным перед лицом Божиим.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

В одной из наших статей мы говорили об осуждении и оправдании человека человеком. Мы обращали внимание наших читателей на то, что в каждом человеке имеются и хорошие и дурные черты. Мы призывали обращать внимание на положительные стороны человеческой личности и в своих оценках людей концентрировать внимание в первую очередь именно на них. Что же касается отрицательных сторон человеческой души, то мы, отбрасывая огульное осуждение, призывали быть крайне осторожными в суждениях в данной, весьма деликатной и далеко не всегда ясной для посторонних, области душевной жизни человека.

Все это верно, но вызывает ряд дополнительных вопросов, неизбежно возникающих при обдумывании затронутой проблемы. В своей жизни мы также сталкиваемся с людьми, не просто имеющими какие-то отдельные недостатки в области душевной и духовной жизни, но и с людьми, страдающими ярко выраженными пороками. Это уже особая стадия человеческой греховности,

выходящая за рамки всего сказанного нами и требующая особого рассмотрения. Как быть и поступать в этих случаях? Мы встречаемся в жизни, например, с безнадежными алкоголиками, погрязшими в пьянстве, которое не заметить нельзя. Пройти мимо? Нет, не проходить и даже совершенно отчетливо констатировать его сугубо греховное состояние. Заметить, если представляется реальная возможность помочь ему, но не осуждать. Надо понять также этого человека, так как алкоголизм без причины не возникает и не развивается. А причин бывает великое множество, особенно у людей, живущих в странах тоталитарных режимов, усиленно душащих проявление духовной свободы человека. Не является ли иногда алкоголизм результатом духовного ущемления личности? Надо во всем этом разобраться, но ни в коем случае не осуждать, не докопавшись до конца в происходящем. Надо сожалеть о таких людях, стараться благостно к ним относиться, памятуя, что и они подобие Божие, хотя и безудержно искаженное грехом.

Надо также учитывать еще один момент. Нередко под уродливой личиной алкоголизма мы обнаруживаем хороших, добрых, благородных людей, обладающих многими положительными душевными качествами, затуманенными и поврежденными алкоголем. Здесь мы присутствуем при человеческой трагедии, не поддающейся ни осуждению, ни оправданию, но требующей помощи и сожаления. Надо уметь отделять отдельные проступки человека от его целостного образа, созданного промыслительно для определенной таинственной и не всегда понятной нам цели, и уметь правильно оценить и взвесить их во взаимодействии с ним, отделяя ту или иную греховную немощь от всего остального.

Но есть явления похуже алкоголизма. Кто не осудит такой страшный грех, как убийство, лишение человека жизни, данной ему Богом для определенной цели в деле Божьего домостроительства. Кто не ужаснется страшной

волне предательства, которая бушует едва ли не во всем мире, получив особенное и специфическое развитие в странах коммунистического блока. Предательство является в ряде случаев таким же страшным грехом, как и убийство человека. Предательство — это духовное убийство, уничтожающее веру в человека, в его достоинство, убивающее доверие человека к человеку. Страшное явление предательство. А когда оно получает государственное одобрение и из греха превращается в дело доблести и едва ли не героизма, то мы являемся свидетелями дьявольского наваждения, охватившего целые слои общества. Как христианину относиться к предателям, уподобляющимся Иуде Искаротскому? Есть предатели, убежденные в правоте и правомерности своей "деятельности", духовно умершие, не понимающие своей греховности, забывшие Бога и ослепленные всякого рода более чем сомнительными суррогатами, вроде пресловутой коммунистической "этики", практически отвергающей настоящую этику. Эти люди заслуживают самого сурового обличения и соответствующей оценки их поведения. Предатели исключают себя из общества живых, если на них не действуют беззлые, но справедливые обличения. А на людей, погрязших в предательстве, эти обличения не действуют, за исключением очень редких случаев. Но и редкие случаи не должны выпадать из нашего поля зрения.

Другое дело отдельные факты произвольного предательства. Относится это в первую очередь к коммунистическим странам. Вызвали в "органы", напугали, испугался человек, сам того не сознавая, наболтал лишнего. Понял потом и пришел в ужас от своего поведения. Типичный случай предательства, отнюдь не запланированного.

Страшное дело предательство, выражающееся в доносах и доносиках на своих знакомых, друзей и даже близких. Но всегда надо детально разобраться в происшед-

шем, понять причины случившегося и только после этого сделать соответствующие выводы. Откинуть раз навсегда все дьявольское, исходящее из сломленных и целиком подчинившихся темным силам душ, и проявить понимание и милосердие к случайно попавшим в эту отвратительную ситуацию. Нам могут возразить: христианство учит прощать и любить врагов своих. Совершенно верно. Но в Евангелии речь идет о людях, согрешивших против нас, враждующих с нами по какой-то причине, зависящей или независящей от нас. Христианство никогда не учило любить и прощать дьявольские силы, орудующие в этом мире и благоволить к служителям сатаны, подвизающимся рядом с нами. "Отойди от Меня, сатана; написано: "Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи" /Лука, IV, 8/. Господь в иудейской пустыне не уговаривает дьявола, не пытается даже с ним разговаривать, а, прослушав его, говорит: "Отойди!" Так должны поступать и мы. Нельзя представлять себе христианство во всех его модификациях как нечто "розовенькое", не противляющееся злу. Так, например, представлял себе христианство Толстой, и в этом была его кардинальная ошибка. Эту же ошибку совершают некоторые протестанские группировки и в наши дни. Христианство полно милосердия и любви к людям, но христианство сурово воинствует против дьявольских сил, восставших на Бога, на Христа и его Церковь. Ни о каком непротивлении "большому" злу не может быть и речи. Под "большим" злом в данном случае мы понимаем отнюдь не область наших личных отношений с людьми, а нечто совсем другое. Речь идет о глобальном воинствующем зле, борющемся с Христом в мировых, государственных или даже групповых масштабах, имеющем принципиальное и практическое значение. Иногда такое глобальное зло передается через отдельных лиц, концентрируясь в них (как, например, через Ленина, ненавидевшего религию), и в этих случаях, как и в ряде других, христианство при-

зывает к борьбе, вплоть до применения силы, если в этом будет необходимость. Это особый и большой вопрос, требующий и особого рассмотрения.

Христианская Церковь была, есть и будет всегда Церковью воинствующей со злом. Этот принцип воинствующей Церкви переносится и на наши отношения с людьми. От братской любви, дружеской помощи, понимания и прощения до непримиримой позиции, подкрепленной соответствующими действиями в смысле отстранения тех или иных лиц от общения с верными — такова наша позиция, испытанная многовековой практикой. Отсюда вытекает и наше отношение к войне, не имеющее ничего общего с постановкой данного вопроса в миротворческих и, главным образом, протестанских кругах. Она глубоко обоснована и лишена как наивного розового пацифизма, так и какой-либо воинственности или агрессивности. Позиция преподобного Сергия Радонежского, благословившего великого князя на ратный подвиг — остается классической для понимания православной позиции в данном вопросе.

Человек стоит между небом и плотским животным миром. Его дорога — наверх, к небу. Но он свободен и может, если захочет, опуститься вниз, превратиться в животное, а иногда в нечто худшее, превратиться в служителя темных сил. Пока есть надежда на его спасение — все силы должны быть направлены на помощь ему. Но если этой надежды нет, то надо отступить от него, оставив его судьбу на волю сил, которым он служит.

ГАДАРИНСКИЕ БЕСНОВАТЫЕ

Иисус с учениками приплыли на лодке в страну Гадаринскую (Гергесинскую), лежащую против Галилеи. Как рассказывает евангелист Матфей, на берегу Его встретили двое бесноватых, вышедших из пещер, в которых в то время погребали мертвых. Оба бесноватые, которых в наши дни называют ненормальными или сумасшедшими, были свирепы и крайне опасны. Местные жители их боялись, зная их поведение. Что правильнее — называть этих людей бесноватыми или сумасшедшими — остается для многих под вопросом. Для скептиков они просто буйно помешанные, и только. Мы же полагаем, что Евангелие абсолютно точно и правильно определяет их душевное и духовное состояние.

”И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел ты сюда прежде времени мучить нас” /Матфей, VIII, 29/. Прежде времени... Почему же прежде времени? Но оставим сейчас этот вопрос и посмотрим, что говорит по этому поводу евангелист Лука. Последний рассказывает нам, что на берегу страны Гадаринской Иисуса встретил только один человек, одержимый бесами. Это расхождение между двумя евангелистами значения не имеет, так как главное остается в обоих случаях идентичным.

”Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: ”легион”, потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну” /Лука, VIII, 30—31/. Легион, т. е. синоним великого множества. Много темных сил сконцентрировались во-

круг этого человека (или этих людей), отравляя духовную атмосферу гадаринского города и подталкивая его жителей на совершенно непозволительные вещи. Оба Евангелия отмечают, что неподалеку от этого места паслось большое стадо свиней. Случайно? Нет, не случайно. Жители города промышляли продажей свинины для нарушителей религиозных иудейских законов, запрещающих употребление свинины в пищу. Запретный промысел гадаринцев был им весьма выгоден. Понимая, что приход Иисуса в их город не останется без последствий, они принимают соответствующие меры. В наши дни термин "соответствующие меры", приобрел специфическое значение, будучи тесно связан с тоталитарной терминологией, в которой "соответствующие меры" весьма легко переходят в "решительные меры", заканчивающиеся дьявольской мясорубкой. Темные силы не дремлют и на берегу земли Гадаринской. Приход Спасителя чреват для гадаринцев катастрофическими для их экономики последствиями. Они прекрасно понимают, что совместить Христа и контрабандный промысел продажи свинины — невозможно. Господь исцелил страшного бесноватого (бесноватых). Это прекрасно. Но одновременно и плохо. Почему же плохо?

Господь знал о духовных настроениях жителей страны Гадаринской. При исцелении бесноватого бесы просили Его: "Если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней. И Он сказал им: идите. И они, вышедши, пошли в стадо свиное. И вот, все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде. Пастухи же побежали и, пришедши в город, рассказали обо всем, и о том, что было с бесноватыми" /Матфей, VIII, 31—33/. Господь разрешает бесам войти в свиное стадо не случайно. Это сделано преднамеренно. Гибель стада свиней — предупреждение жителям страны Гадаринской, напоминание о необходимости жить честной и порядочной жизнью. Перед ними поставлен вопрос о выборе: с Христом или

с темными силами? Перед гадаринцами предстали: исцеленный бесноватый и трупы свиней в озере. Картина ясная, и альтернативы у гадаринцев нет. Но бесы не дремлют и, хотя они потерпели поражение, стараются взять своего рода реванш. И реванш весьма серьезный. Гадаринцы делают выбор.

”И вот, весь город вышел навстречу Иисусу и, увидевши Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их” /Матфей, VIII, 34/. Евангелист Марк добавляет, что когда потонуло свиное стадо, ”пасущие же свиней побежали и рассказали в городе и в деревнях” /Марк, V, 14/. То же самое подтверждает и евангелист Лука, говоря, что пастухи ”побежали и рассказали в городе и в селениях” /Лука, VIII, 34/ о случившемся. Таким образом на встречу с Иисусом вышли не только горожане, но и местные сельские жители. Все они были единомысленны и просили Господа отойти от пределов их. Исцеленный бесноватый просит Иисуса взять его с Собой. Но, милосердуя к гадаринцам и надеясь все же на их исправление, Он посылает этого человека с миссионерской целью в города и селения страны гадаринской для проповеди. ”Возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог. Он пошел и проповедовал по всему городу, что сотворил ему Иисус” /Лука, VIII, 39/.

Бесы как бы обвиняли Иисуса, что он пришел мучить их прежде времени. Они горделиво были уверены, что их царство в душах множества людей будет непобедимо до конца мира. Но Господь как бы уничтожает эту уверенность, свидетельствуя, что с Его приходом в мир темная сила теряет свое господство над значительной частью рода человеческого.

Гадаринские бесноватые это не только библейский эпизод, не только одна из деталей евангельского повествования, но и реальность нынешнего времени. Гадаринские бесноватые сейчас разгуливают по всему миру. Они, быть может, во много раз хуже гадаринских бесно-

ватых. Имя им сейчас в полном смысле легион, т. е. бесчисленное количество. Когда мы видим по телевидению пляски на улицах городов гомосексуалистов и лесбиянок, требующих своих особых прав, охраняемых законом, когда эти люди, падшие ниже уровня многих животных, не признающие понятия греха и Божеских законов, считающие все эти понятия "устаревшими" и "не модными", афишируют публично свои взаимоотношения, то мы имеем дело с современными нам гадаринскими бесноватыми, разрушающими моральные устои любого человеческого общества, ввергающими его в пучину хаоса, уподобляющие его Содому и Гоморре. Когда законодатели, клянущиеся для чего-то на Библии, поддерживают претензии этих людей, запрещают молитву в школах, вводят всякого рода законы, тормозящие дело религиозного воспитания детей, до ужаса бояться того, чтобы благодать Божия не коснулась их ослепленных, истерзанных неверием душ, продолжают твердить о религии как о сугубо частном деле, то мы снова сталкиваемся с явлениями, связанными с неосознанным богоборчеством, с искажением иерархии ценностей, в которой Богу отведено весьма второстепенное место. Когда так называемые народные избранники выступают против молитвы в школе, мотивируя это тем, что введение молитв, якобы, нарушает конституционные права неверующей части школьников, то они всегда при этом почему-то старательно забывают и другое: изгнание школьной молитвы нарушает конституционные права верующих — их право совершать молитву.

Зато песни и пляски гадаринских бесноватых всех родов и типов будут охотно передаваться органами западной массовой информации. О востоке мы сейчас не говорим. Там давно царит мрачное царство узаконенного безбожия, превзошедшего все дьявольские силы. Ибо бесы, хотя и борются с Богом, но веруют и трепещут.

Гадаринские бесноватые, повторяем, не только евангельский эпизод. В Евангелии нет ничего написанного "просто так". Гадаринские бесноватые и гадаринцы, сказавшие Христу: "отойди из наших пределов" — это пророческое видение будущего человечества, а в том числе и нашей современности. Никогда во всемирной истории так отчетливо, настойчиво и упорно не говорилось Господу: "отойди от нас", никогда во всемирной истории не выходили на улицы городов и селений миллионы гадаринских бесноватых, рвущих цепи нравственных устоев современного и всякого другого общества. Никогда перед сатаной не склонялось такое количество правителей стран и их народных избранников, как в наше злосчастное время. Никогда творение рук человеческих не возводилось на высшую ступень иерархии ценностей, а божеское выводилось на второе, третье или энное место, чтобы оно (Боже упаси!) не противоречило первому. А для большего успеха надо всячески напирать на то, что религия — это сугубо частное дело и, нажимая на первое, всячески выводить ее из жизни общества. Сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что стремление левых элементов общества довести тезис, что религия является сугубо частным делом и нельзя ни в коем случае как-то иметь с ней контакт на государственном уровне, является ничем иным, как актом скрытого наступающего атеизма, маскирующегося в ризы принципиального демократизма, боящегося запачкать свои "белоснежные" ризы прикосновением ко Христу. "Отойди от нас" — снова звучит с демократических трибун нашего времени. И совсем не случайно. Дьявольские силы отлично знают, куда в первую очередь надо напустить гадаринцев, не желающих иметь с Христом ничего общего...

Зная трудность борьбы с Христом, современные гадаринцы, вместе со своими бесноватыми вождями, рядятся в христианские одежды. Они объявляют себя ве-

рующими христианами и одновременно убежденными сторонниками узаконенного аборта, т. е. массового убийства; принадлежащими к определенному христианскому исповеданию и одновременно противниками проявления какой бы то ни было религиозности в общественных местах. То, что одно с другим никак не вяжется, их мало трогает. Люди, занятые своими повседневными нуждами, авось не разберутся во всей этой достаточно путаной ситуации. На это представители гадаринцев и рассчитывают.

Исцеленный гадаринский бесноватый сел у ног Иисуса и просил разрешения остаться с Ним. Господь послал его проповедовать и рассказывать людям страны Гадаринской, что сотворил ему Бог. Он надеялся на исправление жителей этой страны, предпочитавших свиное стадо, скорбевших о его гибели и отказавшихся от посещения их города Спасителем. Современные гадаринцы и кружащиеся вокруг них свирепые бесноватые не только отказываются от встречи со Христом, но рассчитывают на большее: оторвать от христианства как можно больше людей, увести их в амбары надежд на получение эфемерных земных благ, которые, кстати сказать, они никогда не получают. "Хлеба и зрелищ" -- старый лозунг, взятый на вооружение гадаринцами для того, чтобы увести людей от Христа. Совсем не ново. Но вечно и непреходяще другое: Бог поругаем не бывает!

БОЖИЙ СУД

Древние города Содом и Гоморра были поражены смертным грехом. Жители этих городов и прилежащих к ним селений занимались гомосексуализмом, лесбиянством и были подвержены и иным грехам.

”И сказал Господь: вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю” /Бытие, XVIII, 20–21/.

Господь посылает в Содом и Гоморру двух ангелов, которые должны засвидетельствовать происходящее в этих городах. Одновременно к Господу обращается Авраам. Он говорит о том, что в обоих городах и их окрестностях, наряду с забывшими Бога грешниками, могут жить и праведники. Неужели Ты погубишь эти города, спрашивает Авраам, если там окажется несколько праведников?

”Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?” /Бытие, XVIII, 25/.

Разговор Бога с Авраамом заканчивается тем, что Господь обещает не губить города, если в них окажется хотя бы десять праведников. Но в обоих городах не нашлось более или менее праведных людей, кроме Лота с женой и дочерьюми.

Ангелы под видом людей пришли в Содом. Лот, сидевший у ворот, увидел их, поклонился им до земли и

пригласил в свой дом. Не успели они поужинать и лечь спать, как жители города, узнав, что у Лота находятся какие-то посторонние люди, начали собираться у его дома и требовать, чтобы Лот выдал им своих неожиданных гостей для допроса и расправы. Лот отказал, но толпа наседала и хотела ломать дверь. Ангелы поразили нападающих слепотой. И сказали ангелы: "Мы истребим сие место; потому что велик вопль на жителей его к Господу, и Господь послал нас истребить его" /Бытие, XIX, 13/. Когда взошла заря, ангелы вывели Лота и его семью из города и велели, не оглядываясь назад и не останавливаясь в окрестностях, идти на одну из ближайших гор. Но Лот испросил разрешения бежать в один из ближайших городков — Сигор. И когда Лот пришел в Сигор, произошла та катастрофа, которая интересует многих ученых, исследующих дошедшие до нашего времени остатки этих городов. По их мнению, произошел огромный взрыв, напоминающий то, что произошло в свое время в Хиросиме.

"Солнце взошло над землю, и Лот пришел в Сигор. И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих и все произрастания земли. Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом. И встал Авраам рано утром и пошел на место, где стоял пред лицом Господа; и посмотрел к Содому и Гоморре и на все пространство окрестности и увидел: вот, дым поднимается от земли, как дым из печи" /Бытие, XIX, 23—28/.

Города погибли. Они были уничтожены, так как именно в них были сконцентрированы люди, болевшие страшными грехами, не сознававшие это, не признававшие само понятие греха, создавшие обстановку неиссякаемого зла, обратившие свободу, данную человеку Богом в распущенное своеволие, отрицавшие Бога, Его замысел о людях, населяющих нашу планету. Они

все это презрели и в конечном итоге погибли. Но люди забывают данные им уроки или делают вид, что бывшее было небывшим; история Содома и Гоморры называется "библейскими мифами", хотя руины этих городов говорят о чем-то ином.

В наши дни содомские пороки приобрели необычайный размах. Сексуальные извращения рассматриваются как некие совершенно нормальные явления, легализируются, становятся для миллионов людей своего рода "образом жизни", требующим своего официального признания в законодательстве стран, называвшихся до последнего времени странами христианской культуры. Содомский грех во все исторические периоды жизни человечества имел место в жизни общества. Но никогда он не доходил до такого разгула, который имеет место в настоящее время. Либеральные законодатели, постаравшиеся изолировать религию от управления обществом, объявив ее "частным делом", выведя понятие греха из законодательства той или иной страны, открыли зеленый свет содомскому греху. Дикие публичные пляски гомосексуалистов и лесбиянок с требованием "конституционных прав", их демонстрации на улицах городов, в процессе которых имели место случаи, когда демонстрировавшие женщины проходили мимо католического собора, обнажив части своего тела и делая скабрзные движения, стали печальной повседневностью многих стран. Попытки легализировать "семьи" гомосексуалистов, разрешать им усыновлять детей, узаконивать их "брачный статус" стали предметом разбирательства судов. И все это делается с серьезным видом, как нечто совершенно нормальное, как будто бы в мире не существует понятия греха как нарушения закона Божия в отношении развития человека и человеческого общества.

Исказив божественную иерархию ценностей, поставив на высшее место в жизни общества конституцию или иное соответствующее законодательство, допуская дея-

тельность Церкви только в пределах конституционных рамок, современные законодатели отвели Господу Богу подчиненное место в жизни общества, игнорируя вечные законы, данные Им человеческому роду. Человек стоит между ангелами и животным миром. Мать, рожая ребенка, прежде дает миру человека, а потом должна она в нем же дать небу ангела. И этому всячески должно помогать общество, называющее себя христианским, а не избегать подобного, прячась за конституционные ширмы. Всякая конституция является делом человеческого разума и, как всякое человеческое творчество, является далеко несовершенной. Тем не менее, именно ею теперь корректируются божеские установления.

Но Бог поругаем не бывает. И мы сегодня являемся свидетелями этого. Распространившаяся в первую очередь среди гомосексуалистов болезнь, названная в США болезнью ЭЙДС, начала поражать современных содомлян. Если в древние времена Содом и Гоморра были просто уничтожены целиком, так как именно в них были сосредоточены представители этого страшного греха, то в наше время так поступить невозможно, поскольку содомляне живут в человеческом обществе, в котором они пока еще являются меньшинством, но постепенно все больше и больше заражают окружающих. Находятся люди, которые восклицают: "Гомосексуализм, это так модно!"

Наступил момент кары Божией, осуществляемой выборочным истреблением содомлян путем распространения страшной болезни. И только слепцы и не желающие видеть правды не понимают, что они присутствуют при казни нечестивцев, своими грехами переполнивших чашу гнева Божия. Идет Божий суд, суд страшный и одновременно справедливый, направленный на защиту человечества от последствий распространения содомского греха и всего связанного с ним. Ибо содомский грех имеет ряд разветвлений и побочных продуктов своей

греховной одержимости. На этом суде будут судиться не только сами содомляне, но и все те, кто своей деятельностью способствовал распространению и развитию этого греха. И никакие либеральные теории и призывы к "конституции" не дадут избежать этого суда. Будут судимы все без исключения... Человек стоит между двумя мирами: миром животных и миром высшим ангельским. Человек, исполняя данный ему Богом закон, должен стать в число ангельских сил. А другие? Другие пойдут по пути духовной смерти и, быть может, на пополнение бесовских сил.

Мы - свидетели явного проявления Божьего Промысла в современном мире, спасающего обезумевшее человечество от страшного, губительного пути. "Не станем блудодействовать, — говорил апостол Павел, — как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи. Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей" /1-е Коринфянам, X, 8—9/.

Суд Божий идет и будет доведен до конца. В этом нет никакого сомнения. Атеисты и хулители Христа будут говорить, что мы пишем "глупости". Пусть не спешат они со свими суждениями. Суд рано или поздно дойдет и до них. Но все верующие люди должны постараться понять то судьбоносное и великое, что начинает проявляться в хаосе современного нам мира. Грех господствует в нем, ибо человек принципиально свободен в устроении своей жизни. Но когда грехолюбие доходит до неопределенных пределов и начинает угрожать главной и единственной цели и смыслу существования этого мира, тогда воля Божия, совершенная и благая, явно входит в человеческую историю, карая и направляя на путь вечной жизни.

БЕСЕДА О СМИРЕНИИ

Слово смирение очень часто употребляется, когда речь идет о религиозной жизни, в частности, о христианстве. Используется оно и в религиозной и в антирелигиозной литературе; используется оно и в богословских трудах и в научной литературе. Не все употребляющие и слышащие это слово достаточно ясно отдают себе отчет в том, о чем, собственно, идет речь, а иногда и просто неправильно понимают его.

Особенно часто говорят о смирении и подвергают его жестоким нападкам и насмешкам представители современного атеизма. По их мнению, христианство, проповедуя смирение, невероятно принижает человеческую личность, ибо всякое смирение находится в полном противоречии с чувством собственного достоинства. Смирение, говорят они, уничтожает чувство собственного достоинства человека, лишает его веры в себя, разлагающе действует на формирование человеческой личности, расслабляет человека. Проповедь смирения лишает человека жизненной активности, оно является рассадником рабской психологии и угодничества, подавляет инициативу человеческой личности. Помимо этого, предъявляется еще ряд и других, более мелких обвинений, на которых едва ли было бы целесообразно останавливать внимание.

Остановимся подробнее на том, что такое смирение и одновременно выясним, насколько справедливы отрицательные высказывания о чувстве смирения.

Прекрасный, в полном смысле слова исчерпывающий пример смирения дает нам Евангелие от Матфея в по-

вествовании об исцелении слуги римского сотника. Как рассказывает евангелист, в одно из посещений Иисусом города Капернаума, к Нему подошел офицер римских оккупационных войск, сотник, и сказал: "Господи! Слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает".

На что Спаситель ответил: "Я приду и исцелю его".

Услышав это обещание Иисуса — прийти и исцелить, сотник неожиданно для присутствующих reagировал на Его слова совершенно необычно. Вместо того, чтобы обрадоваться и высказать слова благодарности, сотник вдруг сказал: "Господи! Я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой".

"И сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе..." /Матфей, VIII, 6, 8, 13/.

Такова сущность приведенного евангельского повествования. Слуга сотника оказался исцеленным. Но главное заключается не только в данном факте. Главное, это отношение сотника к Иисусу. Сотник верит в Высшее Совершенное Начало, которое для него сосредотачивается в Спасителе. Одновременно, нисколько не унижая своего человеческого достоинства, сотник признает, что это Начало неизмеримо более совершенно, чем он сам. Происходит процесс осознания себя в соотношении с этим Высшим Началом. Другими словами, сравнивая себя со Спасителем, сотник признает свое несовершенство по сравнению с Ним. Отсюда и проистекает настроение римского офицера, нашедшее выражение в его словах о том, что он не достоин, чтобы Господь вошел в его дом. Вот здесь и начинается то, что мы называем смирением.

Признание, с одной стороны, Высшего Начала — Бога, а с другой стороны, своего несовершенства, и является основой того чувства, которое называется смирением. Смирение — это ясное осознание своего несовер-

шенства перед лицом Божиим, результат самокритического анализа в лучах Невечернего Света, освещающего всю вселенную.

Человек может всю свою жизнь сохранять чувство своего человеческого достоинства, он может быть полноценной творческой личностью, он может быть в жизни предельно активным, он может иметь даже объективное представление о своих силах и возможностях и целесообразно использовать их, но одновременно он может отчетливо понимать и осознавать свое несовершенство перед лицом Божиим, т. е. быть смиренным. И это смирение, вопреки заявлениям современных атеистов, несколько не мешает ему быть во всех отношениях полноценной личностью. Думать, что смирение превращает человека в нечто малоценное и приниженное, значит не понимать, что такое смирение в действительности.

Но, признавая свое несовершенство перед лицом Творца и Создателя миров, человек одновременно подрыгает в себе то чувство, которое может быть названо необоснованной гордостью. Ибо гордость, или гордыня, является результатом преувеличенного мнения о своих мнимых и действительных достоинствах. Понимание же того факта, что все человеческое совершенство является ограниченным и даже ничтожным перед совершенством Бога, заменяет свойственное почти всем людям в той или иной мере чувство гордости иным чувством, которое может быть названо скромностью.

Таким образом, мы можем прежде всего отметить, что подлинное, трезвое, искреннее смирение уничтожает ложную гордыню и порождает скромность, являющуюся качеством, украшающим человека, а отнюдь не принижающим его. Скромность, как правило, является свойством человека, свидетельствующим о его внутренней силе, о его собранности и внутренней подтянутости. Скромность — естественный спутник смирения, ибо как можно быть нескромным, когда знаешь, что твоё совер-

шенство и твои личные достоинства крайне относительны.

Но подлинное смирение оказывает на человека еще и другое влияние. У него изменяется отношение ко всем людям, с которыми он сталкивается в жизни. Это изменение его отношения к другим людям совершенно понятно, если проанализировать тот процесс психологического перерождения, которое приносит чувство смирения. В самом деле, если совершенства человеческой личности являются весьма относительными и человек ясно осознает свое недостоинство перед Богом, то есть ли у него основание относиться к другим людям критически недружелюбно? Ведь кто знает степень совершенства или несовершенства других людей перед Богом? Быть может, другие люди, внутреннюю жизнь которых мы недостаточно хорошо знаем, гораздо совершеннее нас, и их жизнь угоднее Богу, чем наша.

Вдумываясь в отношения каждого человека к Богу, мы начинаем приходить к переоценке людей с этой точки зрения. Каждый человек для нас начинает представляться в ином свете, ибо мы не знаем степень его духовного совершенства и, следовательно, его угодность Богу. Не совершеннее ли он нас? Знаем ли мы, насколько он угоден Богу? А если не знаем или только предполагаем, то не обязаны ли мы соблюдать предельную осторожность в смысле своего суждения и отношения к нему?

Смирение, таким образом, ведет нас по пути пересмотра и переоценки нашего отношения к людям. А это, в свою очередь, приводит к тому, что мы начинаем значительно благожелательнее относиться к людям, начинаем интересоваться ими, не замыкаясь в узкие пределы своего эгоистического "я". Личность другого человека при этом подходе вырисовывается нам в совершенно ином свете. Благожелательно интересуясь другими людьми, мы начинаем стремиться оказывать им по-

мощь, если они в этом нуждаются, относясь к ним с уравновешенным участливым спокойствием и пониманием, но без всякого угодничества.

Смирение является источником благожелательного уважения к другим людям. Мы не преклоняемся перед ними, как думают люди, ложно понимающие чувство смирения, но чувство своего недостойнства перед Богом ставит преграду всякой попытке превозношения перед другими людьми. Ибо, как можно, будучи несовершенным, превозноситься перед другими и думать, что иные люди хуже тебя самого.

Осознание своего несовершенства, греховности, немощи и недостойнства перед лицом Божиим естественно заставляет нас стремиться улучшить свое внутреннее духовное состояние. В осуществлении этого стремления мы вступаем во взаимоотношения с другими людьми с совершенно иными настроениями, ведем эти взаимоотношения на основе взаимной уступчивости, благожелательности, уважения и любви.

Такова краткая характеристика того чувства смирения, указания о котором мы находим в церковной литературе. Как мы видим, оно ничего не имеет общего с его вульгарным пониманием, когда подлинное чувство смирения, по недоразумению, заменяется бесцельным самоуничижением. Настоящее смирение является одной из вершин духовного развития человека, укрепляющего подлинно человеческие чувства и возводящего человека на совершенно иной духовный уровень.

В заключение мы должны будем также подчеркнуть, что смирение не ставит нам никаких особых преград для борьбы с явным злом. Если мы видим совершающуюся неправду, несправедливые и злые дела, если мы видим, что поступки того или иного человека или группы людей наносят духовный и физический вред нашим ближним, если мы видим, что наша вера в Бога подвергается гонению, унижается имя Божие, насажда-

ется безбожие, то чувство нашего смирения пред Богом не может помешать нам выступить для борьбы со злом. Но чувство смирения и выросшие на нем духовные плоды создадут совершенно иное и праведное отношение к этой борьбе и не дадут внести в нее собственное зло и потерю образа Божия, что так часто случается с людьми, вступающими в борьбу со злом духовно неподготовленными.

Смирение, основанное на вере в Бога, является основой духовного возрастания человека. Смирение — величайшее достижение человеческого духа, а не духовная деградация человека, как об этом пишут и говорят современные атеисты.

МИЛОСЕРДНАЯ ПРОСТОТА

”И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними” /Лука, VI, 31/. Простая, исходная, понятная и даже на первый взгляд элементарная, легко выполняемая заповедь. Заповедь вполне приемлемая даже для человека неверующего, воспринимающего ее с чисто рационалистической точки зрения и видящего в ней лишь этически осмысленную и практически оправдываемую норму поведения в обществе. Впрочем, атеистическое мышление может воспринять приводимую заповедь как нечто даже и выгодное, приносящее несомненную пользу человеку, пользу не духовную, а скорее материальную.

Для верующего человека, подходящего к этой заповеди Спасителя с более глубокой, духовной, а точнее, религиозной точки зрения, она представляется не только

как простая и ясная норма поведения, но одновременно также и как невероятно сложная. Ибо заповедь эта имеет две стороны, из которых люди века сего видят только одну. Остановимся на этом подробнее и попытаемся разъяснить не только простоту, но и сложность приводимого нами повеления Спасителя.

Вы стремитесь выполнить это указание Господа, стараетесь отнестись к тому или иному человеку именно так, как вы хотели бы, чтобы он относился к вам. Вы поступаете в данном случае правильно, но результаты вашего отношения могут быть совершенно различными. В ряде случаев ваше отношение к тому или иному лицу или группе лиц даст несомненно положительные результаты. Это будут люди, стоящие более или менее на том же уровне духовного развития, что и вы или даже выше вас и при этом не обремененные никакими предвзятыми догмами, вызывающими недружелюбное к вам отношение. Вас поймут и будут соответственно реагировать люди, идущие по своему жизненному пути в фарватере духовных интересов и с достаточно высокими духовными запросами. Они не обязательно будут такие же верующие христиане, как и вы. Они могут быть людьми неверующими, но сохранившими в своей душе привязанность к высшим ценностям, в которых, несмотря на неверие или безверие, не замолк еще голос Божий, говорящий с людьми при помощи того явления, которое называется совестью. Исполняя заповедь Божью, мы должны помнить, что ее положительные духовные результаты могут в первую очередь проявиться в отношении людей, не потерявших совести. Другими словами, заповедь Спасителя, о которой мы говорим, особенно ярко проявляется не только в нашем отношении к людям, но и во взаимодействии с ними. И на это последнее обстоятельство надо обратить особое внимание. Заповедь Господня отнюдь не статична. Она находит свое полное практическое раскрытие в процессе взаимодействия с

людьми. И здесь нас ждут часто совершенно необычные результаты, а для многих людей, не искушенных в доброделании, подчас и трагические. Мы уже отметили, что положительные результаты активно-добротного отношения к людям дадут себя знать в отношении далеко не всех людей. В громадном количестве случаев мы столкнемся с людьми, у которых наше христианское отношение к ним может вызвать отрицательную реакцию, полную недоверия и озлобления. Здесь особенно часто бывают случаи, когда наше посильное добро превращается людьми во зло, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Другими словами, естественная и ожидаемая нами реакция будет отсутствовать. Каковы причины подобного явления, часто обескураживающего многих? Основная причина — укорененная приземленность людей, не видящих ничего другого, кроме современных стандартных отношений с себе подобными, отношений весьма далеко отстоящих от какого-либо приближения к евангельскому идеалу. Отсюда недоверие к людям, по-другому к ним относящимся. Далее идет крайний людской эгоизм, людская самость, закрывающая на вершинах этого состояния всякую возможность по-иному взглянуть на мир и на людей, его населяющих. Немаловажное значение в появлении отрицательной реакции имеет и иная направленность всей жизни людей, иной ее диапазон, иные цели. Указанное менее чувствуется в западном, хотя и до предела неразумно секуляризованном, обществе; и особенно остро ощущается в обществе советском, насквозь пропитанном атеистической пропагандой, дающей искаженное представление о религиозной жизни людей.

Господь предвидел сложности, возникающие при выполнении этой заповеди. И чтобы христиане не пошли в данном случае по наиболее легкому пути — имели дело лишь с себе подобными или вообще с духовно созвуч-

ными им людьми, Он ясно предупреждает нас о невозможности и недопустимости применять данную заповедь только к людям, сочувствующим нам или любящим нас.

”И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники то же делают” /Лука, VI, 32—33/. Легко относиться хорошо к человеку, любящему или понимающему нас. Но Спаситель ставит перед нами другую задачу — применить Его всеобъемлющую заповедь ко всем без исключения людям, в том числе к врагам, ненавидящим или нерасположенным к нам людям. Имеет ли это смысл — спросят нас? Да, имеет, ибо применение заповеди Спасителя об отношении ко всем людям оказывает часто огромное воспитательное влияние на людей и с отрицательным духовным потенциалом. Может быть, результаты положительного характера скажутся не так скоро и в начале мы столкнемся с весьма для нас неприятными явлениями. В данном случае, как уже указывалось ранее, добро, идущее от чистого сердца, будет превращено бездуховными людьми в нечто противоположное и будет оценено ими как не совсем понятное для них, скрытое, замаскированное зло. Последнее не должно кого-либо удивлять, огорчать или доводить до такого обострения, когда человек окончательно разочаровывается и в свою очередь озлобляется на людское непонимание.

Надо всегда помнить и знать: добро часто может вызвать пароксизм зла, иногда весьма активного. И нельзя удивляться, если на наше добро отвечают злом. Подобную реакцию мы должны ожидать как совершенно естественное явление, памятуя, что и зло неожиданно может перейти в свою противоположность. Ведь люди, недоброжелательно к нам относящиеся, под терпеливым и не гневным воздействием постепенно начинают меняться.

Но когда зло окутывает своим темным покрывалом наши благие намерения и поступки, не имея никаких тенденций перейти в ответное добро, тогда на помощь приходит милосердие. Ибо только оно в своем последовательном проявлении может в данном случае помочь. Не ответным злом раздражения или недовольства должны мы реагировать на непонимание окружающих, не разочарованием в попытке на деле осуществить слова Христа, а милосердным к ним отношением. Почему же милосердным? — спросят нас. Потому что люди, так неправильно реагирующие на наше теплое, хорошее и участливое к ним отношение, в сущности, находятся во власти темных сил, имя которым "легион". Их много и они составляют дьявольский хоровод, танцующий свой страшный танец и вовлекающий миллионы людей. Вырваться из него не так-то легко. Именно поэтому и надо жалеть и проявить милосердие к этим пленникам сатаны, отвечающим злом на добро. Ибо их реакция — один из вернейших признаков полной или частичной, заметной или незаметной одержимости дьяволом. При этом не надо думать, что вольные или невольные, сознательные, а часто и несознательные последователи темных сил, отдают себе отчет, по какому опасному пути они идут. В большинстве случаев они этого не знают. Не знают ничего и окружающие их, ибо в своих обычных проявлениях они совершенно "нормальные люди", особенно в том обществе, где нормой поведения является приверженность к силам, прямо или косвенно борющимся с Богом. Указанное положение имеет место и на Востоке, и на Западе.

Когда мы сталкиваемся в нашем христианском делании с подобного рода людьми, отвечающими на добро злом, единственным нашим оружием против подобного противостояния может быть только милосердная простота, с любовью делающая добро тому, кто хочет ответить на него злом, и практически осуществляющая

приведенную нами заповедь Спасителя. Ибо только эта милосердная и кроткая простота может снова зажечь светильник совести в отступивших от Христа людях и вернуть их из лагеря погибших к тем, кто в своей жизни поступает с людьми так, как заповедал Господь Иисус Христос.

ЛЮБОСТЯЖАНИЕ

”Некто из народа сказал Ему: Учитель! Скажи брату моему, чтобы он разделил со мной наследство. Он же сказал человеку тому: Кто поставил Меня судить или делить вас?” /Лука, XII, 13—14/, давая этим ответом ясно понять о своем категорическом отказе вмешиваться в материальные дела людей, когда эти дела начинают играть роль главных жизненных ценностей. Ибо для человека, обратившегося с этой просьбой к Иисусу, видимо, в тот момент желание получить наследство, т. е. какое-то материальное богатство, доминировало над всем другим. Иначе он не обратился бы к Господу с такой неуместной в данном случае просьбой. Господь часто помогает людям и в их трудностях, связанных с материальным существованием, но не тогда, когда люди не столько нуждаются в этих ценностях, сколько проявляют стремление к накоплению, иногда перерастающему в жадность. И отказывая человеку в его просьбе помочь разделить наследство и даже оказать известное давление на его брата, Господь здесь же предупреждает всех нас:

”Смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения” /Лука, XII, 15/, — говорит Господь, подтверждая это положение глубоко трагичной по существу притчей о богатом челове-

ке, получившем хороший урожай. Урожай во много раз превышал все потребности этого человека. И, обрадовавшись, он решает сломать все свои помещения, в т. ч. и для зерна (житницы), построить новые, собрать туда весь свой хлеб и все добро свое и сказать самому себе: "И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровище для себя, а не в Бога богатеет" /Лука, XII, 19—21/.

Разбогатевший человек возложил все свои надежды на материальное богатство, психологически рассматривая его как некую надежную силу, дающую ему возможность располагать всеми обстоятельствами своей жизни по своему усмотрению. Так думают и так поступают многие миллионы людей. И все они без исключения называются Господом — безумными. Так называет их Спаситель, всегда и всюду избегавший каких-либо резких выражений. Но здесь, в евангельском контексте, данное выражение звучит и как некое явное обличение и как констатация духовного состояния евангельского богача и многих других людей, живших до нас и живущих в наше время. Констатируя все это, Господь здесь же предупреждает всех нас: подобное может случиться со всеми, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет.

Отмечая все сказанное нами выше, мы должны будем снова и снова поставить вопрос, вопрос весьма существенный — о христианском отношении ко всякого рода материальному богатству, к проблеме имущественного благополучия. И ответ на заданный вопрос может быть весьма кратким и простым. Христианство характеризуется легким отношением к материальным земным ценностям, особенно личного характера. Что значит "легкое отношение"? Выражение это в данном случае весьма точно выявляет сущность затронутой проблемы. Лег-

кость заключается в следующих ее особенностях. Несомненно, христианин может и даже должен пользоваться земными благами, посылаемыми ему не без Божьей помощи, но он никогда не должен быть рабом этих благ или богатства. Христианин может владеть богатством, но никогда, ни при каких обстоятельствах богатство не должно владеть христианином. Народная поговорка "Бог дал, Бог и взял" — лучше всего характеризует то легкое отношение к земным ценностям, о котором мы здесь и говорим. При этом мы должны уметь управлять данными нам Богом земными ценностями, а не они нами, как это, к сожалению, довольно часто бывает и как это имело место в евангельской притче.

В тесной связи со всем сказанным сразу же выдвигается и проблема христианской благотворительности. И если в истории христианства мы знаем немало случаев, когда люди раздавали все свое имущество нуждающимся во имя Христа и уходили на служение Ему, то этот евангельский идеал духовного совершенства не может быть принудительно распространен на всех без исключения христиан. Несомненно, наличие богатства или просто каких-то ценностей в руках христианина морально обязывает его к актам благотворительности, но вообще характер и пределы этой благотворительности не могут носить в себе каких-то обязательных норм и являются результатом изъявления доброй воли каждого.

Владея материальными ценностями, обеспечивая себе этим известную независимость, разумно управляя ими, мы должны идти по пути собирания сокровищ в Боге. Указанное практически означает в общем совершенно несложный и простой путь. Надо жить так, чтобы наши интересы, заботы, различного рода мероприятия, осуществляемые нами в церковном и общественном планах, и даже в политической жизни, сочетались с нашим духовно-религиозным ростом. Если этот рост будет идти постепенно, но постоянно, то все остальные стороны

жизни начнут оборачиваться к нам совершенно другой стороной. А оценивать их мы будем уже совсем по-иному. Независимо от нашей воли, значение для нас материальных ценностей, их влияние начнет уменьшаться пропорционально тому, как будет возрастать в нас духовное начало. Последнее же неизбежно приведет нас к естественной переоценке той иерархии ценностей, которая играла в нашей жизни до сих пор едва ли не доминирующую роль. И если на определенном этапе нашей жизни такие события, как, например, покупка нового автомобиля или нового дома, или менее крупных объектов выдвигались как нечто весьма и весьма существенное в жизни, то, по мере нашего духовного возрастания, значение подобного рода факторов станет уменьшаться. Наступит момент, когда оказание помощи людям, попавшим в беду, миссионерская деятельность или поддержка какого-то благого общественного начинания станет гораздо более важным, чем приобретение имущества, часто являющегося не столь нужными для нас "игрушками", скоро нам надоедающими и обременяющими нас.

Переход от детской игры в накопление материальных ценностей к духовно-осмысленной жизни и является как раз тем духовным процессом, о котором Господь говорит нам и называет его "богатеть в Боге". Под последним надо понимать увеличение удельного веса духовных ценностей в нашей земной и достаточно кратковременной жизни.

Мы далеки от мысли призывать всех без исключения христиан обязательно расстаться со всем имеющимся у них и стать если не нищими, то, во всяком случае, бедными людьми. В большинстве современных социально-развитых обществ подобное означало бы переход на содержание того же общества, которому мы хотели бы послужить, и полную зависимость от него. Поэтому такое решение вопроса в ряде случаев может быть и непра-

вильным. В иных странах, где социальное обеспечение не поставлено на должную высоту, недостаточно продуманная отдача всего может повлечь за собой ряд отрицательных последствий, даже опасных для жизни. Блажен, кто не обращает на это внимания и отдает все, если в подобном имеется необходимость. Это уже область духовного совершенства, от которой отказался евангельский богатый юноша, пришедший к Иисусу и пожелавший стать совершенным. Но мы говорим не о вершинах духовного совершенства, являющегося уделом немногих, а о более низких ступенях духовного развития, доступных каждому верующему человеку. Мы говорим в данном случае о таком жизненном "балансе", при котором происходит постепенное отмирание заинтересованности в приобретении материальных богатств и начинается возрастание интересов к богатствам духовным. Но искусственно прийти в такое состояние нельзя. Оно приходит по молитве верующих, благодатию Божией, и свидетельством его присутствия будет глубокое удовлетворение от участия в накоплении ценностей духовных, а это накопление само укажет нам путь, по которому надо идти и в отношении урегулирования нашего материального положения. Если кто-либо решит отдать, например, какую-либо сумму денег, необходимых, чтобы выручить кого-то из действительной беды, и при этом получит подлинную радость от совершенного, то указанное будет означать, что его судьба, его жизнь разошлась с путями евангельского богача, строившего новые помещения для своих богатств, и погибшего, не успев насладиться ими.

Сколько на земле имеется богачей, тоскующих и не знающих, как использовать все свои материальные возможности, не знающих, что такое счастье, которое они безнадежно ищут и, как правило, никогда не находят. Подобного рода жизненные уроки, проходящие часто на наших глазах, к сожалению, не замечаются многими, а если и замечаются, то из них часто делаются неправиль-

ные выводы. Он не сумел, а вот я бы сумел! Так думал и евангельский богач, но, несмотря на свою уверенность, он тоже не сумел, ибо жизнь человека в целом не зависит от изобилия благ земных, которыми он располагает в данный момент.

Б Е С Е Д А О З А К Х Е Е

Евангелие рассказывает нам, что в городе Иерихоне Иисуса встретил человек по имени Закхей. Его характеристика в достаточной степени лаконична.

”И вот некто именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом...” /Лука, XIX, 1—3/.

Обратим внимание на эту характеристику. В ней имеются два, на первый взгляд, противоречащие друг другу элемента. Евангелие рассказывает нам о Закхее, прибавляя слово ”некто”: ”некто именем Закхей”. Это ”некто” по своему прямому смыслу свидетельствует, что Закхей не был человеком знаменитым, о котором знали все жители Иерихона. Он не был, очевидно, и человеком, который прославился как носитель или творец каких-то духовных ценностей. Он был, по мнению евангелиста, малоизвестным человеком, о котором уместно сказать именно ”некто”.

Но одновременно Евангелие говорит нам, что Закхей был начальником мытарей и человеком богатым. Это свидетельство раскрывает очень многое. Как известно, мытари, или сборщики податей, уполномоченные по сбору налогов с населения, пользовались в то время дурной

славой. В силу далеко не совершенной постановки сбора податей в те далекие времена, они злоупотребляли своим положением и, собирая налоги, старались нажиться за счет недобросовестного установления их уровня, взяток, хищений и прочих злоупотреблений. История сохранила немало свидетельств о том, что сборщики налогов часто становились в достаточной степени богатыми людьми. Это несомненный исторический факт, так же как и то, что слово мытарь в те времена было синонимом чего-то весьма отрицательного и бесчестного. Со словом мытарь всегда связывалась моральная нечистоплотность и греховность.

Эти настроения должны были получить еще более яркую окраску, когда дело шло о Закхее, "начальнике мытарей", который, как свидетельствует Евангелие, был богатым человеком. Происхождение его богатства связывалось совершенно естественно с весьма сомнительными комбинациями в области собирания налогов. Но одновременно богатство должно было принести ему известную власть, дополнявшую его служебное положение, его должны были знать весьма многие, он мог в силу своего положения и состоятельности пользоваться авторитетом, перед ним должны были заискивать, очевидно, были люди, которые добивались его расположения. Возможно, что Закхей был даже и неплохим человеком; для этого предположения имеются основания. Возможно, что многое отрицательное, что могло приписываться ему как начальнику мытарей, существовало в воображении отдельных людей. Но не в этом заключается сущность вопроса. Главное заключается в том, что Евангелие игнорирует эту возможную известность Закхея и подходит к нему просто как к человеку. И думается нам, что это совершенно не случайно. Этот евангельский подход показывает нам в данном случае, как и в других случаях, что внешний успех человека, его земная слава или почет, достигнутый на поприще весьма сомнитель-

ной деятельности, направленной на достижение целей, абсолютно чуждых какой бы то ни было духовности, отвергается Евангелием как критерий для какой-то положительной оценки данного человека. Поэтому евангельский подход к внешнему положению Закхея совершенно иной, чем у людей, погруженных в чисто материальные дела. Эта сторона дела как бы проходит мимо евангельского повествования. Но это повествование полностью воздерживается и от осуждения Закхея. Наоборот, оно находит в нем весьма ценные и положительные стороны, сделавшие "начальника мытарей и человека богатого" всемирно известным, получившим подлинную негнущую славу. Не богатство и не служебное положение Закхея принесли ему это.

Мы сказали, что Закхей, возможно, был неплохим человеком. Он был не только неплохим, но имел в глубине души неоценимое сокровище, которое мы называем человеческим духом. И этот дух в нем не умер и не оставил его. Ибо Закхей, несмотря на свою чисто земную деятельность и профессию, сохранил стремление к живой воде духовной жизни. Он не был удовлетворен тем, что имел, и, видимо, не был рабом своего богатства.

Закхей слышал об Иисусе и хотел увидеть Господа, ибо надеялся найти у Него источник, который утолил бы его духовную жажду. Закхей "искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом; и, забежав вперед, влез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нее. Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! Сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме" /Лука, XIX, 3--5/.

Закхей настолько хотел видеть Господа, настолько стремился к этому, что, забыв все, в том числе и свое общественное положение, побежал вперед и влез на дерево, не думая даже о том, что подобный акт мог быть

даже несколько смешным, мог уронить его престиж, тем более, что, надо полагать, возраст его был далеко не юношеский. Но Закхея ничто не остановило, ибо не любопытство, а духовные интересы, связанные с Назаретским Проповедником, о котором он уже давно слышал, руководили им. Он интересовался областью духовной жизни и в глубине души стремился к Нему, чтобы найти у Него то, чего ему не хватало в жизни. Это была живая душа, неугаснувший дух человеческий, стремившийся, несмотря на далеко не праведную жизнь, разорвать узы этой жизни.

Господь оценил эти духовные стремления Закхея. И Закхей понял, что наступил переломный момент в его жизни.

”И он поспешно сошел и принял Его с радостью. И все, видя то, начали роптать и говорили, что Он зашел к грешному человеку. Закхей же став сказал Господу: Господи! Половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо. Иисус сказал ему: ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама; ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее” /Лука, XIX, 6–10/.

Окружающие люди, склонные, как и все люди, к осуждению, роптали на то, что Господь зашел в дом к человеку, имевшему не особенно хорошую репутацию. Но Иисус, реагируя на это настроение окружавшей его толпы, и, как бы отвечая на разговоры людей между собою, говорит о Закхее, что и он сын Авраамов, подчеркивая этим высокое достоинство человека в соответствии с религиозными представлениями евреев. Но и не только это. Господь пришел спасти погибшее. Духовное возрождение Закхея, увидевшего Христа, и было этим спасением.

Закхей осознал, что с ним произошло. Его слова, обращенные ко Христу, в которых он высказывает нелicenseмерное желание исправить то ошибочное и греховное,

что было в его жизни, является наглядным свидетельством того перелома, который произошел в Закхее.

И начальник мытарей, влезший на дерево, чтобы увидеть Иисуса, из начальника мытарей и владельца сомнительного богатства, превратился во всемирный и вековечный пример возрождения человеческого духа.

П Р И Т Ч А О С Е Я Т Е Л Е

Большинство людей знает притчу о сеятеле. Многие слышали или читали толкование этого евангельского повествования, повествования удивительно простого, но запоминающегося на всю жизнь. Люди, читавшие Евангелие, помнят, как иное семя сеятеля упало около дороги, было потоптано и расклевано птицами. Знаем мы и о семенах, попавших на каменистую почву и поэтому погибших, ибо не имели они ни влаги, ни кусочка доброй плодородной земли, на которой могли бы они развиваться. Не забыли мы и о семенах, упавших в терния среди сорной травы, заглушивших их молодые и еще слабые ростки. Не забываем мы и того, что часть семян все же попала на добрую, плодородную землю, возросла на ней и дала многократный, обильный плод.

Семя евангельской правды сеется по всему необъятному миру уже в течение многих веков. Падают семена вечной правды при больших мирских дорогах, тянущихся по всей земле, по которым стремятся куда-то миллионы людей, занятых культом своей мирской повседневности, полагающих свои стремления и надежды на большие и малые с их точки зрения дела, которые должны, по их мнению, дать богатые и добрые плоды. Слышат

они подчас и Слово Божие, посеянное для них, но, как говорит нам Евангелие, "приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись" /Лука, VIII, 12/.

Падают семя евангельское и на каменистую почву, не дающую возможности развития корней молодых побегов, и радость обретения веры в Вечное Начало перемежается с ужасающими отпадениями от нее, яркие примеры которых хорошо знают наши современники.

Пытается взойти доброе семя и среди сорных трав, обильно покрывающих нашу планету, и обладатели власти, богатств или иных земных наслаждений, утех и развлечений, а часто и несокрушимо мощных страстей, не могут удержать его в себе, проникнуться благовестием и, отдаваясь мутным потокам жизни, остаются пустоцветами, не приносящими духовных плодов.

И пример "доброй земли" евангельской, людей, хранящих Слово Божие в чистом и добром сердце, не смягчает часто их ожесточенные и иссушенные житейским вихрем сердца, а наоборот, иногда еще более ожесточает, ибо слишком разителен контраст между добром и злом, контраст, показывающий всю неправедность путей людей, по тем или иным причинам забывающим и о Слове Божиим, и о его Предвечном Сеятеле.

Но поставленный нами в данном случае вопрос не ограничивается только констатацией отпадения от веры тех или иных групп людей. Дело обстоит значительно сложнее, чем это принято обычно думать. Евангелие нам, например, повествует о добром семени, упавшем на каменистую почву, на которой оно по совершенно понятным причинам не могло вырасти и должно было довольно скоро погибнуть. Но, отмечая данный факт, люди часто забывают другой аспект подобного рода ситуации. Ведь имеются в мире семена, и их совсем не так уж и мало, которые живут, развиваются в растения едва ли не на голых камнях и при этом почти не нуждаются во вла-

ге. Об этих семенах мы ничего не слышим в евангельских повествованиях. Во всяком случае, к добрым семенам они не относятся. Что же это за растения и кто же сеет их? Мы видим, что трудно предположить абсолютное отсутствие растений на каменистой почве, на которой погибли добрые семена. Трудно предположить, что и сердце человека, из которого вырвано молодое растение добра, останется пустым и на месте удаленного не появится нечто совсем другое.

В том-то и заключается сущность поднятого нами вопроса, что в мире, наряду с Сеятелем вечности, проходят и другие сеятели, сеятели иных духовных начал, противоположных началам, заложенным в Слове Божиим. В мире сеются беспрерывно семена добра, но одновременно сеются и семена зла, а имя сеятелю этих семян зла — диавол. Кто посеял тернии, сорную траву, заглушившие добро в душах многих и многих людей? Кто подготовил ту каменистую бесплодную почву, на которой увяли и погибли молодые добрые растения? Кто на месте погибших семян добра сеет ядовитые колючки, отравляющие, колющие и ранящие человеческие души? Кто, наконец, посылает птиц расклевывать семена, упавшие при дороге?

Трагически ошибаются люди, полагающие, что вольное или невольное отвержение Слова Божия имеет своего рода пассивное значение. Пассивное в том смысле, что на место отвергнутого останется как бы пустое место, ничем не заполняемое, а если заполняемое, то чем-то в общем безобидным, носящим сугубо личный или частный характер. Нет, душа человеческая, сердце человека не останется пустым в духовном отношении. В нем будут посеяны уже иные семена, семена другого начала и начнут они возрастать внутри человека с необычайной силой. Ибо отвержение слова Божия людьми является отличным "удобрением", на котором, как в парнике, возрастут семена, внесенные туда уже другим, темным

сеятелем, стремящимся проникнуть во все человеческие сердца.

Многие люди, живущие во внегородских условиях, в пригородах, а иногда и горожане, разводят огороды или сажают на каком-нибудь клочке земли цветы. Все занимающиеся этим делом знают и замечают следующие особенности, связанные с указанным нами занятием. Как бы ни старались мы, как бы не очищали предварительно землю от всего лишнего, но когда вылезут молодые побеги посаженных нами растений, всегда появятся поблизости и ростки сорных трав. Мы удаляем их, производим т. н. прополку наших грядок, ибо если мы этого не сделаем, то очень скоро буйно растущие сорняки заглушат наши посевы и насаждения. Последние погибнут или будут влачить жалкое существование. Мы сеем доброе семя полезных и нужных нам растений. Но во все свободные места, не занятые ими, проникают иные семена и тоже начинают возрастать. Их много и с ними должна вестись постоянная борьба. Они весьма реально напоминают нам те тернии, о которых говорится в Евангелии. Правда, если при хорошем уходе наши растения благополучно вырастут, то тогда уже сорняки не смогут их заглушить, но повлиять на рост и плодоносность посаженного все же смогут.

Допустим, мы приготовили весной наш огород для посадки нужным нам овощей. Но потом по каким-то причинам забросили его. И хотя земля была тщательно очищена от всего ненужного, но, несмотря на это, через непродолжительный отрезок времени она вся покроется неизвестно откуда взявшимися "терниями", никому не нужной сорной травой. Ее семена принесет ветер, занесут птицы, оживут остатки ее корней, находящиеся в земле, ее ростки под землей перекочуют с соседних, неводеланных мест.

Так и души человеческие, в которых по тем или иным причинам заглохли ростки духовных семян, посе-

янных в них Богом, не останутся целыми, ненарушенными, готовыми снова принять слово Божие. Они все, образно говоря, зарастут иными, иногда даже ядовитыми растениями, духовными сорняками, взявшимися на первый взгляд неизвестно откуда. Но это только на первый взгляд. Ибо, если присмотреться к происходящему в нашей духовной жизни, то мы увидим, что наполняет наши души после отвержения ими духовных семян Слова Божия: открытая или замаскированная антидуховность, а иногда лжедуховность, посеянная темным сеятелем, ищущим в мире свободное место для своих ядовитых посевов. И на первый взгляд высокие философские и теоретические искания, ушедшие далеко от путей проходящего по миру Божественного Сеятеля; и воинствующие идеологии, декларирующие гуманитарные начала в жизни человеческого общества, не достигшие всеобщего счастья, но залившие мир кровью миллионов людей, превратившиеся в подлинный апофеоз насилия; и бездумная, бездуховная обывательщина, фетишизирующая примитивные земные материальные ценности; и погоня за фантастическим счастьем, рассматриваемым лишь в рамках материально-душевных факторов текущей жизни, получившая во всем мире необычайное развитие преступность и многое другое — плоды семян, посеянных темным сеятелем в тех местах, где по каким-либо причинам не принялись добрые Божьи растения. Но слишком много в нашем мире таких мест, и он весь превращается в подобие ада.

“Вышел сеятель сеять семя свое”, — говорит нам Евангелие. И хотя часть семян упала при дороге и была поклевана птицами, а другая часть упала на каменистую почву холодных и неустойчивых человеческих сердец, а еще иные семена были заглушены терниями, выросшими на заботах века сего, все же некая часть упала на добрую землю и принесла плод. Но Господь, говоря о доброй земле, напоминает нам, что таковой являются те

люди, ”которые, услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении” /Лука, VIII, 15/. Почему же в терпении? Потому что недостаточно слышать слово и воспринять его. Подобно тому как добрая земля и посаженное на ней требуют постоянного и тщательного ухода, а при отсутствии такового немедленно зарастает сорняками, так и посеянное в нашем сердце Слово Божие для своего возрастания и принесения духовных плодов нуждается в постоянной работе над собой. А эта работа требует многих усилий, много терпения и мужества, превращаясь в духовный подвиг, к которому и призывает нас притча о сеятеле.

”КТО ПРИКОСНУЛСЯ КО МНЕ?”

Начальник синагоги Иаир, падши к ногам Иисуса, просил Его зайти к нему в дом, ибо дочь Иаира была при смерти. Исполняя эту смиренную просьбу, Господь идет с ним, окруженный толпой народа, пришедшего послушать Галилейского Проповедника. Это все наблюдала больная женщина, имевшая в продолжение двенадцати лет непрерывные кровотечения, очевидно, на современном языке, страдавшая какими-то женскими болезнями. Все, что у ней было, она истратила на врачей, но совершенно напрасно, ибо помочь ей они не могли. Медицина того времени оказалась в данном случае бессильной. Можно себе представить душевное состояние больной, потерявшей всякую надежду не только на выздоровление, но даже и на облегчение своего недуга. Перед ней как несомненная реальность стояли длительные страдания и преждевременная смерть. И видя Иисуса, идущего

го с Иаиром, она пошла за Ним вместе с окружавшим Его народом, с любопытством ожидавшим — что же произойдет в доме начальника синагоги. Пробравшись среди толпы, она приблизилась сзади к Иисусу и дерзновенно коснулась края одежды Его. Зачем она коснулась? И почему мы говорим: коснулась дерзновенно?

Она коснулась без разрешения, никого ни о чем не спрашивая, она коснулась Господа, ничего не сказав Ему, желая остаться незамеченной. Но она коснулась Его с верой и уверенностью, что это ей поможет. Как поможет — она не знала и, вероятно, не отдавала себе отчета, но ни на одну секунду не усумнилась в благих последствиях своего поступка. Она коснулась и почувствовала прекращение мучившего ее кровотечения. Остановилось кровотечение... Но остановился и Спаситель, произнеся: "Кто прикоснулся ко Мне?" /Лука, VIII, 45/. Вопрос Господа вызывает двойную реакцию. С одной стороны, все присутствовавшие, как говорит Евангелие, отрицались, а с другой, — удивленный вопросом Наставника апостол Петр совершенно резонно возражал Ему:

"Наставник! Народ окружает Тебя и теснит, — и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мне?" Апостол Петр прав: ведь в толпе, окружавшей Спасителя и его учеников, многие люди, даже не желая того, могли прикоснуться к Иисусу, задеть Его одежду, даже случайно толкнуть Его. Петр прав с точки зрения оценки происходящего по законам физического мира, ибо толпа есть толпа, в которой многое может случиться.

"Но Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую от Меня" /Лука, VIII, 46/. В отличие от случайных, бездумных, неосмысленных прикосновений толпы, речь в данном случае идет о прикосновении сознательном, о прикосновении персональном, имевшем особую духовную направленность. Надо обратить внимание и на следующее. Спаситель шел в дом Иаира к его больной дочери, и никто еще не знал, что

там произойдет и произойдет ли вообще что-либо. Вероятно, в толпе, окружавшей Иисуса, было немало скептиков с ироническим любопытством наблюдавших происходящее. Если бы больная женщина прикоснулась к Нему после воскрешения дочери Иаира, то в этом не было бы ничего удивительного, ибо явное чудо свидетельствовало и о явно зримой возможности получить исцеление. Для этого не нужно было особенно верить, ибо реальность, доступная нашим пяти органам чувств, была бы налицо.

Но больная коснулась Господа до Его входа в дом Иаира. И в этом акте выступает мощный и направленный поток веры-энергии, вызвавший вопрос Спасителя: "Кто прикоснулся ко Мне?" В обыденной жизни, при прикосновении к источнику электрической энергии чем-либо, являющимся проводником электричества, последнее немедленно пройдет через данный материальный предмет. Если же мы прикоснемся к источнику электроэнергии чем-то не являющимся его проводником, то это нечто, будучи изолятором, не пропустит электрический ток. Данное напоминание элементарных истин является лишь иллюстрацией, некоей аналогией с излагаемым. Духовная настроенность больной женщины, ее вера, перешедшая в стадию абсолютной уверенности, ее непоколебимое доверие к Иисусу, явились проводником духовной энергии, перешедшей к ней через прикосновение к Господу и вызвавшей Его вопрос: "Кто прикоснулся ко Мне?". Абсолютная вера, не знающая сомнения, служит проводником духовной энергии, всегда идущей к нам из реально существующего духовного мира. На этом законе основаны все те чудесные явления, которые на протяжении многих веков видела и знает Церковь, на нем построена и подлинная молитвенная связь с Богом, с ним связано явление в мире Божественной благодати "немогущая врачующая" и "оскудевающая восполняющая". Духовным проводником божественной энергии, приходящей к нам,

является абсолютная вера, перерастающая в непоколебимую уверенность, любовь и доверие к Богу.

В толпе, окружавшей Иисуса, как мы уже упоминали, вероятно, многие коснулись Его, но от этого ничего с ними не случилось, ничто не изменилось в них. К помощи Иисуса обращались и обращаются миллионы людей, с Ним, фигурально выражаясь, встречаются на жизненном пути миллионы не верующих в Него людей, утверждающих неощутимость Его присутствия в мире. И им можно полностью поверить. Недостаточная вера, сомнения, скептицизм, маловерие, даже простая неуверенность, раздвоенность, возлагающая свои надежды больше на человеческое, чем на Божие, нейтральное духовное равнодушие, как у толпы перед домом Иаира, являются духовным изолятором, не пропускающим токи духовной энергии снизойти на того или иного человека или группу людей. Духовным изолятором, совершенно реально действующим, окутаны миллионы людей. И они по-своему правы, когда говорят о несуществовании духовного мира или если даже и признают его существование, то жалуется на невозможность установить с этим миром желательный для них контакт. Люди, одетые в одежды духовного изолятора, наполняют мир, часто селятся на свое положение, интуитивно познаваемое частью из них, и не понимают, что этот духовный "изоляционизм" является результатом их собственного духовного состояния. Некоторые из них требуют чуда для укрепления своей веры или иных реально-материально ощущаемых результатов своего обращения к Богу. Но мудрость Церкви заключается также в том, что она отлично понимает недоступность и вред чуда для людей, одетых в одежду духовного изолятора. Чудо доступно только подлинно верующей душе. Ибо маловерие, не понимающее подлинной природы чуда, происходящего лишь при наличии мощных проводников духовной энергии, никогда не будет ими понято. Не понято, потому

что они не знают и не понимают его подлинного происхождения и причин снисхождения. И если они даже и убедятся в его реальности и материальной "осязаемости", то объяснение происшедшего с их стороны не выйдет за рамки материальной причинности. Поэтому также совершенно бессмысленны во многом споры с атеистами, воюющими с неизвестным для них и представляемым ими при этом несуществующим. Покрытые плотным духовным изолятором, они не могут понять и ощутить богатство духовного мира, не могут ощутить его реальность, его действие, ибо у них и не может быть взаимодействия с ним.

Как повествует Евангелие, "женщина, видя, что она не утаилась, с трепетом подошла и, падши пред Ним, объявила Ему пред всем народом, по какой причине прикоснулась к Нему, и как исцелилась. Он сказал ей: дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя, иди с миром" /Лука, VIII, 47--48/. Мир Господень снизошел на исцеленную благодатью Божией, оказавшуюся духовно готовой к приятию исцеления. И к каждому из нас обращены эти слова Спасителя, ждущего от нас веры и доверия, создающих в наших душах аккумуляторы духовной энергии, соединяющей нас с Богом.

ПОДВИГ ПОСТА

Снова приблизился Великий Пост. В связи с этим с атеистических кафедр будет сказано немало слов о вреде поста, о его бессмысленности, об иллюзорности религиозных идеалов, о невежестве и ограниченности "служителей культа" и других последователей религии и о многом другом. Почти то же самое, только более тепло-хладно подумают и просто неверующие люди, равнодушные к подобного рода вопросам или лишь случайно вспомнившие о них.

А между тем, со времен седой древности почти все мировые религии придавали и придают посту исключительное значение и неукоснительно требуют от своих последователей его осуществления на практике. Советские атеисты также неукоснительно будут продолжать повторять свои избитые тезисы о вреде поста и молитв. Добросовестные советские ученые, не имея возможности прямо высказаться о проблеме поста, говорят о необходимости для человеческого организма "разгрузочных дней" в смысле еды, т. е. иносказательно подтверждают пользу поста для человеческого организма. В частности, покойный академик В. П. Филатов прямо указывал: посты необходимы человеку с медицинской точки зрения именно как "разгрузочные" дни. И не только разгрузочные, но и как обновляющие весь человеческий организм.

Поэтому проблема поста — проблема весьма серьезная, от которой так просто отмахиваться нельзя. А разве диета, на которой иногда годами сидят больные люди, не напоминает отдаленно в какой-то мере пост?

В эти дни приближения времени, когда Церковь живет особенно напряженной молитвенной жизнью, готовясь к встрече с Воскресшим, Победившим смерть Спасителем, в эти дни умудренные жизненным опытом и вооруженные солидными знаниями, российские интеллигенты будут снова пытаться искать Истину, понимая, что ее нет в плоских и поверхностных умозаключениях советских антирелигиозников, но не осознавая еще, что эта Истина стоит почти рядом с ними в образе смиренного евангельского мытаря, не смеющего взглянуть на небо и повторяющего: "Боже! Будь милостив ко мне, грешнику!"

В эти дни российская молодежь, верующая, колеблющаяся и даже неверующая, охваченная пафосом борьбы за духовную свободу и оказывающая различными методами сопротивление диктатуре, удушающей эту свободу, далеко не всегда еще осознает, что ее стремление к духовной свободе и осознание самоценности и бессмертности человеческой личности, зародилось давно, еще в иудейской пустыне, когда в ней пребывал в сорокадневном посту и молитве Тот, Кто просвещает всякого человека, грядущего в мир.

Ибо пост, в котором пребывал Спаситель, выходя на проповедь, пост, в котором пребывали Его ученики и апостолы, распространившие христианство по всему миру, — это не только подвиг, но и двери величайшей духовной свободы и самосовершенствования, без которых не может обойтись человек, познавший смысл духовной стороны человеческой жизни.

Что же такое пост? Если мы зададим подобный вопрос многим людям, то, вероятно, услышим ответ: пост это временное неядение скоромной, т. е. животной пищи и употребление пищи только неживотного, главным образом, растительного происхождения. Такой ответ будет и правильным и одновременно неправильным. Да, действительно, физический пост — это воздержание от

мясной и вообще животной пищи, временный переход на пищу постную, главным образом растительного происхождения, с добавлением по особым дням небольшого количества рыбы. Вообще же, вопреки ходячему мнению, рыба, строго говоря, не является постной пищей и допускается изредка, снисходя к немощи человеческой. Увлекающиеся рыбаждением и думающие, что они постятся, — глубоко заблуждаются.

Но все это было бы крайне скудно, если бы мы не добавили о посте несколько еще и других мыслей.

Физический пост — это не только переход на постную пищу, но и воздержание. И, пожалуй, последнее является главным. Ведь можно формально поститься, перейти на постную пищу даже самого примитивного вида и одновременно буквально объедаться ею. Подобное отношение к посту — ничего общего не имеет с действительным постом и представляет собой его извращенное понимание. И если есть люди, которые жалуются на невозможность питаться постной пищей, потому что они начинают от нее полнеть, то, за редким исключением, речь идет о злоупотреблении постной пищей, об употреблении ее далеко не в "постном количестве". Исключением из этого правила являются больные люди с неправильным обменом веществ и находящиеся на медицинской диете.

Подводя итоги сказанному, отметим: физический пост без воздержания не дает никаких положительных результатов и является абсолютно бесцельным занятием. Физический пост — это прежде всего физическое воздержание в еде и в некоторых других функциях человеческого организма, в частности, воздержание в сфере сексуальной жизни человека. Пост — это также воздержание от всех лишних привычек человека, не приносящих пользы ему в смысле здоровья, а часто даже вредящих ему. Поэтому желательно, чтобы физический пост человека не ограничивался только принятием исключительно постной пищи, но сопровождался бы воздержанием от

всякого рода дурных привычек, например, курения или хронического употребления алкоголя. Хотя алкоголь и не является формально "скоромным", но во время поста рекомендуется совершенно от него воздерживаться, за исключением некоторых праздничных дней, когда Церковь разрешает употребление вина и елей, т. е. растительного масла.

Для чего нужен человеку физический пост? Разумно осуществленный пост приводит к полному обновлению и часто оздоровлению человеческого организма. Пост полезен человеку. Это подтверждает многовековая практика Церкви, это подтверждается честными представителями медицины, отлично знающими о целительной силе поста.

Пост, ведя к временному воздержанию в смысле выбора и количества пищи, закаляет волю человека, освобождает его от рабской зависимости от привычных физических условий, ведет его через физическое воздержание к победе духа над плотью. В этом смысле пост подводит нас к началу человеческой свободы, к независимости от физических условий жизни. Пост ведет к облегчению и одухотворению человеческой плоти, к приобщению ее к Вечным Ценностям, реально существующим в мире.

Необходимо еще сказать — на кого распространяется пост. Пост распространяется на всех верующих людей, находящихся в нормальных или хотя бы в относительно нормальных жизненных условиях для данной страны и для данной эпохи. Пост не распространяется на больных людей, требующих особого режима, на людей, находящихся в ненормальных условиях, например, в тюрьмах, в исправительно-трудовых лагерях, если им не предоставляется минимально-нормальное питание, необходимое для всякого человека. Пост не распространяется на лиц, лишенных по тем или иным причинам возможности более или менее нормально питаться и находящихся в

невольном и вынужденном постоянном воздержании и недоедании. Если человек уже живет в воздержании, то ему не надо еще дополнительное воздержание, которое может повредить его здоровью. Вообще Церковь абсолютно исключает пост в тех случаях, когда он может повредить здоровью человека. Пост может быть отменен в отношении лиц, которые в силу своего положения не могут получить постную пищу, например, для военнослужащих, находящихся на казарменном положении и питающихся в военной столовой.

Впрочем, имеются данные, свидетельствующие о том, что верующие люди в СССР, находящиеся в тюремном или лагерном заключении, а также и некоторые призванные в армию, старались соблюдать посты, находясь на достаточно голодном пайке. Это уже подвиг, доступный далеко не каждому.

Но почти для всех этих лиц открывается другая возможность выполнения поста, — путем отказа от некоторых излишеств, которые они могут все же себе позволить, но которые совершенно не являются необходимыми для организма. О них мы говорили ранее.

Все что мы говорили выше относится к физическому посту. Но физический пост — это только одна, и наиболее легкая, сторона поста. Физический пост обязательно должен сочетаться с постом духовным. Без духовного поста физический пост представляет собой бессмысленность, своего рода обряд, лишенный содержания.

Основой поста является пост духовный. Что же такое духовный пост? Духовный пост — это прежде всего молитвенное устремление к Богу, молитвенный усиленный подвиг, совершаемый человеком. Поэтому пост неразрывно связан с усиленной молитвой, со стремлением к Богообщению. Духовный пост — это сознательное и волевое устремление к добру в лю-

бой его форме, стремление активно проявить свою любовь и доброжелательное отношение к ближним, помочь им в их нуждах, проявить заботу, внимание, пойти по пути добротворения.

Духовный пост — это ограничение своего эгоизма и замена его подлинно человеческим отношением к людям; и подобное отношение должно быть не искусственно вымученным, а вытекать из чистого сердца, из сознания собственного недостойнства и своей греховности.

Духовный пост — это путь духовного самоуглубления, честного анализа самого себя перед лицом Божиим, смиренного осознания своей греховности, ее истоков и путей, покаяние и примирение с Богом.

Духовный пост — это путь сокрушения и покаяния, путь духовной неудовлетворенности собой, из которой должно родиться стремление преодоления земной ограниченности и совершиться переход в царство духовной свободы, обретенной в Боге. Это путь духовного обновления, путь духовного роста в Боге. В этом главный и важнейший смысл поста.

Духовный пост невероятно труден для человека, впервые вступающего на постное поприще. Он неизмеримо труднее поста физического. Здесь неизбежны срывы и отдельные неудачи. Но уже само стремление человека к духовному посту ведет к его духовному росту. В этом также заключается глубокий смысл духовного поста.

Физический и духовный пост неотделимы друг от друга. Они являются совершенно необходимыми составными частями одного целого. Не нужен физический пост без поста духовного, невозможен духовный пост без поста физического. Это две стороны одного и того же явления, неотделимые друг от друга. И если есть люди, утверждающие, что они нуждаются только в одной из двух указанных сторон поста, то надо сказать, что эти

люди или добросовестно ошибаются, или просто прикрывают свое бессилие в отношении поста. Особенно часто имеются подобные случаи в различных кругах интеллигентного общества, когда его представители утверждают ненужность для них поста физического, так как они постятся "духовно". Практика Церкви давно показала пустоту и неискренность подобных утверждений, не имеющих под собой почвы. Обычно такие заявления на практике приводят к несоблюдению поста в обеих его формах и являются благовидным и лицемерным предлогом, чтобы от него отказаться.

Пост — величайшая духовная школа для человеческого духа. Пост — это духовный чернозем, на котором всегда и всюду вырастает богатая духовная нива, дающая человечеству величайшие духовные плоды.

Верующие, особенно церковные люди, понимают, что такое пост. Но и неверующие, вдумывающиеся в сложные и причудливые процессы жизни человеческого духа, не могут и не должны отмахнуться от этой проблемы. Люди неверующие должны понять, что пост это не просто историческая традиция, по "недоразумению" дожившая до наших дней, а весьма сложная и актуальная проблема для всех поколений человечества. Поэтому не стоит проходить мимо вопроса о посте; стоит отнестись серьезно к этой сложной и весьма важной проблеме и попытаться ее понять. А верующий человек, прочитав нашу беседу, да загорится еще большей любовью к Богу и подготовит себя духовно к совершению подвига Великого поста.

О ПРЕПОДОБНОМ СЕРАФИМЕ САРОВСКОМ

Как известно, преподобный Серафим Саровский жил в конце XVIII и в начале XIX веков, являясь современником Пушкина, Державина, Карамзина, Жуковского и многих других замечательных представителей молодой русской интеллигенции прошлого столетия. Но преподобный Серафим не имел прямого отношения к образованной или высокопоставленной элите тогдашнего российского общества. Он являлся представителем простых верующих православных людей, исконного народного массива, ставшего в веках русской истории носителем и подвижником Православной Веры. К сожалению, в русском интеллигентном обществе его верующие представители с некоторым скептицизмом относились (и относятся) к этого рода православным, а особенно к носителям духовного сана "из простецов", стараясь прилепиться к интеллигентным слоям верующих людей и к так называемым "передовым батюшкам". Эти люди во многом неправы, но иногда их возражения были обоснованы, ибо далеко не всегда простота веры обеспечивает, например, успешность пастырского дела, равно как и образованность священника не является гарантией плодотворности его деятельности и надлежащей степени духовности.

Преподобный Серафим, по мнению исследователей его жизни, во многом напоминает Антония Великого в смысле прозорливости, удивительной безыскусственности и постижения духовных глубин богословия. Духовные дары, данные Богом Его подвижнику, настолько

велики и обильны, что не приходится даже называть его монахом-простецом. Это все покрывается его потрясающей духовностью, а в социальном аспекте преподобный как бы выходит из традиционных рамок современного ему сословного общества, объединяя его в себе и находясь одновременно как бы над ним. Недаром к нему приходили представители всех без исключения слоев тогдашней России, находя у него утешение и руководство в жизни. Преподобный не оставил после себя письменных трудов, но его высказывания и наставления были записаны разными людьми и в таком виде дошли до нас. Последнее обстоятельство дает нам возможность остановиться на некоторых его изречениях, весьма жизненных и полезных для верующих и в наши судьбоносные дни.

Преподобный Серафим уже здесь, на земле, жил в ином мире и всегда в своем сердце носил Пасху Господню, приветствуя всех: "Радость моя, Христос Воскресе!" И как завет нам звучат его слова: "Радость моя, стяжи дух мирен — и тысячи спасутся около тебя!.." И как трагично, что об этом простом, но кардинальном совете забывают почти все те, кто формально относится к христианам.

"Где Бог, там нет зла", — поучает нас преподобный. "Все происходящее от Бога мирно и полезно приводит человека к смирению и самоосуждению". Бог посылает в жизни человека различные обстоятельства, которые далеко не всегда нравятся своенравной человеческой душе. Не понимают часто многие люди всю промышительность посланного им. Иногда только в конце жизни, анализируя пройденный ими путь, они начинают что-то понимать. Блажен тот, кто сразу поймет промыслительность происходящего с ним и радостно пойдет по Божьему пути. Но, поняв и сознательно пойдя по пути Промысла, человек одновременно осознает всю свою малость и крайнее несовершенство пред лицом Бога,

свою греховность и немощность. Именно поэтому преп. Серафим и связывает познание происходящего с нами по воле Божией с возникновением чувства смирения (т. е. познания собственного несовершенства) и желания покаяния. Связь эта неслучайна и очень тонко подмечена им.

Не в бровь, как говорится, а прямо в глаз многих современных верующих попадают следующие исключительно жизненные слова преподобного: "Если человек сам печется о своих делах и обращается с молитвой к Богу только тогда, когда уже постигают его неизбежные беды, и в собственных своих силах не видит он средств к отвращению их, и начинает надеяться на помощь Божью — такая надежда суетна и ложна". А разве не так? Разве не обращается к Богу множество людей именно тогда, когда их постигает беда? Недаром имеется народная поговорка — "гром не грянет, мужик не перекрестится". И преподобный предупреждает нас от такого подхода. Напрасны в подобном случае (за некоторым исключением) будут наши вынужденные обстоятельствами обращения к Богу. Бог слышит тех Своих сынов, которые так или иначе мысленно и молитвенно всегда находятся с Ним (а мысль — это тоже молитва), не забывают о Нем, верят Ему, а не вспоминают о Боге только тогда, когда пришла беда. Впрочем, и беда может быть промыслительной, для того, чтобы подобного рода люди вспомнили о Боге. Это также относится и ко всем, кто считает достаточным прочесть, иногда даже наспех, утром и вечером две-три молитвы и успокоиться на этом с полным сознанием исполненного религиозного долга, не отдавая себе отчета в неправильности подобного подхода к молитве. Преподобный знал и об этом. Знал он и о том, что суета мира сего, условия жизни многих людей не дают им возможности каждый день творить положенное Церковью молитвенное правило. Кроме того, к отцу Серафиму приходили люди и не умудренные грамотой.

В то время подобное явление для простого народа было совершенно нормальным. Им недоступен был даже и простейший молитвослов. Поэтому, снисходя к немощам и слабостям человеческим и учитывая условия жизни также и образованных слоев современного ему общества, не желая никого обременять непосильным молитвенным подвигом, преподобный предлагал всем желающим для исполнения следующее ежедневное молитвенное правило, знание и исполнение которого было бы весьма полезно для всех православных, "не имеющих времени для молитвы" или находящихся в условиях, в которых невозможно совершить положенное правило. Молитвенное правило преп. Серафима легко воспроизвести наизусть.

"Вставши от сна, — говорит преподобный, — всякий христианин, став перед святыми иконами, пусть прочитает молитву Господню "Отче наш" трижды, в честь пресвятой Троицы; потом песнь Богородице "Богородица Дево, радуйся", также трижды, и, наконец, Символ веры, единожды. Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом". Добавим, что в условиях, где нельзя открыто молиться или где молитва запрещена законом, правило преп. Серафима можно незаметно выполнять.

"Во время же работы, — продолжает преподобный, — дома или в пути куда-нибудь пусть тихо читает: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного", а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только: "Господи помилуй" и продолжает до обеда. Перед самым же обедом пусть совершает вышеуказанное утреннее правило. Отходя ко сну, всякий христианин пусть снова прочитает утреннее правило; после того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением". Опуская мелкие детали, мы передаем основные молитвенные наставления преподобного. Держась указанного правила, можно, по мнению

преподобного, достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы — основание всего христианства. А молитва — это путь к Господу, необходимый для нашего спасения и достижения основной цели нашей жизни — стяжания Духа Святого Божия.

Много имеется записей высказываний преп. Серафима. Всех их невозможно передать сразу. Но невольно хочется напомнить еще о следующих некоторых наставлениях. Предупреждает преподобный всех православных, чтобы не смущались своим недостойнством и не уклонялись под всякими благовидными предложениями от частого причащения Святых Тайн. Такое смущение, отводящее нас от причащения, — искушение от дьявола. В связи с этим также напоминает нам всем преподобный и о посте. Пост, по мнению преп. Серафима, состоит не в том, чтобы есть только постное и редко, а в том, чтобы есть мало, или иначе — хранить принцип воздержания. Но пост, как учит Церковь, рассчитан на здоровых людей, а не на больных. И учитывая это, преподобный напоминает нам о необходимости заботиться о теле при болезненном его состоянии или при тяжелых физических трудах. И сразу же напоминает нам о другом: кто переносит свои болезни с терпением и благодарением, тому эта болезнь вменяется вместо подвига и даже больше того.

Так учит нас преподобный Серафим. Учит он нас и бороться с унынием, удалять его от себя и иметь радостный дух. Он не враг разумной и пристойной веселости. "Веселость — по его мнению — не грех, она отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет: оно все приводит за собою". А врачует уныние только молитвою, воздержанием от празднословия, работой, чтением слова Божия и терпением, потому что рождается оно от малодушия, иногда от праздности и празднословия, а иногда, наоборот, от утомления.

Все поучения преподобного Серафима отличаются необыкновенной жизненностью, духовной глубиной,

при необыкновенной простоте изложения, и они остаются актуальными для каждого верующего так же, как они были жизненны и доходчивы при его жизни два века тому назад.

СУББОТА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Еврейская суббота и наш христианский воскресный день, хотя и различны по своему содержанию, но одновременно имеют много общего. И тот, и другой являются днем Господним, посвященным Богу. Это то, что их роднит и сближает, несмотря на существенные различия. Но эти различия одновременно нисколько не мешают тому, что вокруг и субботы, и нашего воскресного дня накопилось столько недоразумений, неразрешенных вопросов, наивного формализма, что почти невозможно их все затронуть в одной статье.

Мы будем говорить о нашем воскресном дне. Но как только мы заговорим о нем, перед нами встанет ряд простых, но весьма существенных вопросов, на которые современный православный христианин не сможет дать четких и вполне вразумительных ответов.

Что такое воскресенье — день отдыха или Господень день, т. е. день, посвященный Богу? Может, и то и другое вместе? Что это — день безделья или день духовного делания? День, когда нельзя работать, но можно до одури играть в карты или от нечего делать заниматься алкогольным неумеренным возлиянием? День, в который человек призван сделать что-нибудь существенное для спасения своей души, или день бездумного сидения в кино, где показывают фильм сомнительного качества?

День, когда человек может вникнуть на досуге в Слово Божие или день для пустой болтовни за чайным столом и перемывания косточек своим ближним? День помощи нашим ближним, больным, унывающим, страждущим или день подворотных сплетен? День духовной сдержанности или распушенности?

Эти вопросы можно продолжить. Их будет весьма много, и трудно даже себе представить, где им может быть положен конец, ибо ситуации, которые могут возникнуть у каждого из нас в воскресный день, неисчислимы по своему многообразию; предусмотреть каждую из них не представляется практически возможным.

”В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть” /Матф., XII, 1/.

Очевидно, срывание колосьев для еды проходящими путниками не представляло собой ничего из ряда вон выходящего и было узаконено еврейской традицией.

”Фарисеи, увидавши это, сказали Ему: вот ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу” /Матф., XII, 2/.

Фарисеи в данном случае рассматривали сбор колосьев для еды как своего рода работу, запрещенную в субботу по еврейскому закону. Господь не отрицает религиозных предписаний, связанных с субботним днем, но совершенно отвергает и отменяет формальное понимание субботней традиции. В своем ответе фарисеям Господь указывает на факты, которые иногда могут повести по крайней нужде к нарушению имеющихся узаконений. Это бывает связано с разного рода чрезвычайными обстоятельствами, приносящими людям вред, если они будут формально, без учета данной конкретной обстановки, выполнять субботнюю традицию. В этих случаях суббота может быть и должна быть нарушена, как в случае с апостолами, нуждавшимися в

подкреплении пищей. Частично в этом смысле надо также понимать слова Спасителя о том, что "суббота для человека, а не человек для субботы" /Марк, II, 27/.

Однако эти слова Спасителя отнюдь не могут быть понимаемы как утверждение полной свободы и несвязанности людей в день, посвященный Богу, как утверждение какого-то своеволия в этом отношении. Приведенные слова Спасителя надо понимать в их главном смысле. Этот смысл заключается в том, что день субботний, а в христианском мире день воскресный, дан нам как день, посвященный Богу, как день, в который человек духовно очищается и духовно возрастает. Наши воскресные дни и наши церковные праздники являются, если можно так выразиться, "духовно-заправочными станциями" на нашем земном пути. А отсюда и вытекают церковные предписания о поведении христианина в эти дни. Все они даны для нас, для нашей духовной пользы, и в этом смысле прежде всего "суббота для человека, а не человек для субботы". Поэтому все наши традиции и предписания, связанные с праздничными днями, исходят из пользы человека. Они, однако, рассчитаны на какие-то общие средние нормальные условия. Но могут быть случаи, когда для той же пользы человеческой некоторые религиозные требования, связанные с праздничными днями, могут быть в отдельных случаях и отменены, как в известной степени отменил Господь некоторые субботние положения, дав своим ученикам возможность собрать какое-то количество колосьев, очевидно, по тем соображениям, что они все нуждались в пище, в подкреплении, а пищи не было, и они должны были себе что-то достать. Это была необходимость, вытекающая из данной конкретной обстановки; и вопрос шел об удовлетворении насущных нужд, без которых человеческий организм не может существовать и нормально функционировать. Такого рода особые обстоятельства могут быть и физического, и духовного

порядка. Но это не означает, конечно, что подобное дает нам право злоупотреблять и подводить под необходимость совсем не необходимые вещи.

”В одной из синагог учил Он в субботу; там была женщина, восемнадцать лет имевшая духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться.

Иисус, увидев ее, позвал и сказал ей: женщина! ты освобождаешься от недуга твоего.

И возложил на нее руки; и она тотчас выпрямилась и стала славить Бога.

При этом начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний” /Лука, XIII, 10—14/.

Начальник синагоги возмутился, что Иисус как бы нарушил субботний покой исцелением женщины, подведя самый акт исцеления под какую-то активную деятельность (или работу), запрещенную в субботу. Начальник синагоги подошел к этому факту слепо-формально, забывая, что субботний покой отдается Богу, а чем можно больше угодить Богу, как не добродетелью во имя прославления Его Святого Имени? Более того, иудейские религиозные деятели того времени совершенно забыли о том, что абсолютного покоя и в субботу быть не может, ибо всегда вокруг человека останется хотя бы самый минимальный круг необходимых повседневных дел, без которых не может продолжаться нормальная жизнь и отдельного человека, и всего человеческого общества. Это и подчеркивается в ответе Иисуса начальнику синагоги.

”Господь сказал ему в ответ: лицемер! не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу, и не ведет ли поить?

Сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний?

И когда говорил Он это, все противившиеся Ему стыдились; и весь народ радовался о всех славных делах Его” /Лука, XIII, 15—17/.

Отвечая начальнику синагоги, Господь одновременно дает нам совершенно точные указания о том, как проводить дни, отведенные Церковью во славу Господа и необходимые для духовного здоровья людей.

И на традиционный и не особенно умный вопрос, часто задаваемый некоторыми людьми: можно ли в воскресенье или праздник работать и не грешно ли это? -- мы можем ответить только одно: если вы в день Господень не нашли ничего лучшего, как работать для удовлетворения своих личных потребностей, для того, чтобы заработать лишние деньги, которые иногда бывают не столь уж и нужны вам, если вы не можете в эти дни выйти из рамок повседневной суеты, то это, конечно, полное искажение того, для чего даны эти дни. Если вы проводите эти дни за карточным столом или за несдержанными возлияниями алкоголя, или за пересудами своих ближних, то это тоже искажение того, что вам дано для совершенно определенных целей. Искажение греховное и вредное вам самим.

Но если вы в этот день решили работать, чтобы помочь, например, своему ближнему, который нуждается в вашей помощи, если вы в этот день решили совершить путешествие, трудное для вас, чтобы навестить людей, нуждающихся в вас, если в этот день вы решили отдать свои силы на служение Церкви в той или иной форме, даже в виде подчас тяжелого физического труда, то такая работа будет уместна и благословенна в эти дни. Дело заключается не в том, работать или не работать в этот день, ибо такая постановка вопроса была бы чисто формальной, а христианство не терпит никакого формализма в решении тех или иных вопросов. Дело заключается в том, как, для чего и почему мы хотим работать в праздничный или воскресный день. Ибо оправ-

данность нашего поведения в воскресные или праздничные дни лежит в тех духовных целях и намерениях, которые положены в основу нашей воскресной деятельности. Именно той духовной закваской, которая будет положена в основу вашего поведения в Господень день, и будет оцениваться оно с точки зрения его греховности или праведности.

Господь в своем ответе начальнику синагоги указал на то, что и хранители формальной традиции, несмотря на запрет, занимаются в день субботний некоторыми повседневными делами. Это отчасти и неизбежно. Но весь вопрос заключается в том, отдадим ли мы минимум времени этой неизбежной повседневности в воскресный или праздничный день, или эта повседневность уведет нас на далекие пути, чуждые Церкви, уведет и засосет в своей трясине.

В этом корень и сущность вопроса. "Суббота для человека, а не человек для субботы". Нам дана суббота для нас, для нашей духовной пользы, и наше дело правильно использовать ее.

ОСУЖДЕНИЕ И ОПРАВДАНИЕ

Как понятны, просты, ясны и легко выполнимы слова Спасителя: "Не судите, да не судимы будете" /Матф., VII, 1/. Но как трудно для многих их осуществить на практике. Как часто люди осуждают друг друга...

Прежде всего — что такое осуждение? При ответе на данный вопрос мы должны будем отметить следующий общеизвестный факт. Почти все склонны гласно и негласно оценивать друг друга. В этом нет ничего предосу-

дительного, если оценка объективна и оправдана практическими причинами. Люди склонны поговорить о других, об их делах, успехах, настроениях, взглядах, поступках, событиях их жизни и о многом другом. Обычно мы даем и соответствующую оценку тем лицам, о которых идет речь. При этом можно заметить следующее: бывает так, что мы становимся на путь отрицательной оценки того или иного человека, сосредотачивая внимание на всем отрицательном, иногда действительном, а чаще искаженном или выдуманном. Другими словами, мы нередко становимся на путь осуждения ближнего. Многие склонны акцентировать свое внимание на действительных или мнимых отрицательных сторонах человека и забывают о его положительных свойствах. Мы часто говорим о тех или иных людях так, как будто у них нет никаких положительных сторон.

Между тем буквально в каждом человеке имеются и положительные и отрицательные стороны. Но, как ни странно, многие люди при оценке своих ближних "забывают" об их положительных сторонах и обращают внимание в первую очередь на все то отрицательное, что можно сказать про них. Отрицательное в наших отношениях нередко господствует над положительным. Склонность к осуждению доминирует в наших суждениях. Почему же это происходит? По одной и единственной причине. Это состояние нашей души, ее засоренность греховными помыслами, наше духовное несовершенство, попадание под многочисленные соблазны, встречающиеся на нашем жизненном пути.

Эти склонности человеческой души вызвали следующее замечание Спасителя:

"И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?" /Матф., VII, 3/. Те, которые всегда и всюду стараются заметить сучки в глазу ближнего, забывают об одной истине. "Господь, посылая каждую душу в жизнь, наделяет ее каким-либо

талантом”, — пишет по этому поводу архиепископ Казанский и Чистопольский Сергей (Королев).

Покойный архиепископ был талантливым духовным писателем. ”Господь дает тебе сердце и талант — раскрой его”, — говорил своим пасомым Владыка Сергей. Господь дает тебе арену действий для расцвета духовной жизни и, добавим мы, дает тебе определенную роль в Божием домостроительстве. Для этого ты обладаешь тем положительным духовным потенциалом, который мы в обыденной жизни называем положительными сторонами человеческой души, хотя этот термин далеко не отражает всю глубину вопроса. Поэтому все то, что мы называем хорошими или положительными сторонами человека, является главным, заслуживающим всяческого почитания, потому что это Божий сад, посаженный для совершенно определенных и конкретных целей.

Люди, сознающие свое духовное призвание, всегда смиренны. Просвещенные духовным потенциалом, они одновременно крайне осторожны в своих суждениях. Они осторожны, помня о своих собственных недостатках, борениях, падениях, они знают, что все это затемняет правильность их суждений. Они осторожны, помня, что подавляющее большинство людей носит в своей душе и положительные, и отрицательные элементы. И поскольку добро в душе человека представляется им неизмеримо более ценным, чем зло, они концентрируют свое внимание на его положительных сторонах, памятуя о той борьбе между добром и злом, которая происходит в душе человека. Осуждения человека они избегают, становясь на путь его оправдания. В этом заключается сущность иного подхода, отталкивающегося от осуждения.

Наоборот, люди с затемненным сознанием, не замечающие своих собственных недостатков и грехов, склонны не только к осуждению, но и хотят еще навязать свое мнение или суждение другим. Их суждения, если не

всегда, то довольно часто связаны с разного рода "предложениями" по исправлению других людей. Если они проистекают из человеческой души, затемненной собственными существенными недостатками, то, как показывает практика, они никогда не бывают достаточно плодотворны. Затемненность души и сознания человека не дает ему возможности прийти к правильным заключениям по исправлению других людей.

"Или, как скажешь брату твоему: "дай, я выну сучок из глаза твоего", а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего" /Матф., VII, 4—5/, — говорит нам Святое Евангелие. "Сучки" и "бревна" — наши собственные недостатки и грехи, иногда очень серьезные и устойчивые, являются основной причиной, мешающей нам быть объективными в отношении других людей и упорно концентрирующей наше внимание на их отрицательных сторонах. И это понятно. Наши собственные недостатки ищут себе своего рода "оправдания" в констатации недостатков других, забывая о положительных сторонах этих лиц.

Господь ведет каждого из нас своим собственным индивидуальным путем. Эти пути неисповедимы и не всегда бывают понятны нам. Раскрываются они частично под конец нашей жизни. Надо поэтому всегда помнить: всякое осуждение, будучи по своей сущности грехом, почти всегда приносит больше зла, чем многие другие темные проявления нашей души. Осуждение может в каком-то смысле нарушать Божий план о нас. Злое осуждение не приводит к исправлению человека. Осуждение, исходящее из темного источника, увеличивает сумму зла, вызывает озлобление, недовольство, раздражение, создает часто духовный хаос, в котором господствует зло. И не является ли скандальная неудача с так называемой "коммунистической этикой" в СССР результатом духовной темноты источников, из кото-

рых она исходит? Не строилась ли она на осуждении всего того, что не соответствует ее целям и идеологическим основам?

Короче говоря, всякая человеческая оценка другого человека, особенно отрицательная, всегда весьма и весьма относительна, ибо исходит она не из интересов Божией правды на земле. Она руководствуется не абсолютными критериями, данными нам в Евангелии, а исходит из относительной человеческой "правды", неизбежно искаженной теми внутренними недостатками, носителем которых является тот или иной человек. Без очищенной от грехов совести и полной бесстрастности в отношении окружающего мира нельзя дать абсолютно объективную оценку тем или иным людям. Как соль делает воду соленой, так наша греховность затемняет наше духовное зрение и делает наши оценки односторонними, окрашенными нашими собственными греховными представлениями.

Всегда надо помнить: осуждение другого человека является концентрацией внимания на зле не для борьбы с последним, а для самооправдания. А зло всегда и везде искажает подлинную картину происходящего.

Возникает естественный вопрос: можно ли вообще давать оценку человека, чтобы не совершить зла, не нанести ему духовной раны, не исказить действительность? Оценка можно, а иногда и должно давать, но она не должна носить характер огульного осуждения. Такая оценка должна концентрироваться на положительных сторонах личности и лишь в свете этого вполне доброжелательно отметить и ее недостатки. Отметить, но не осуждать и не смаковать их, как это часто бывает на практике.

Наша оценка людей должна строиться не на зле, а на добре. Она должна быть всегда доброжелательной и всегда видеть за внешними, частными фактами жизни ту огромную борьбу добра и зла, которая происходит

в мире и которая будет длиться до самого конца. Надо уметь видеть и роль отдельного человека в этой борьбе, в меру его сил и способностей. А если эта роль непонятна или недостаточно ясна, то лучше помолчать или оправдать, а не осуждать. Наши характеристики людей должны вести в конечном счете к добру, а не ко злу, и в свете этого христианского правила мы и можем подходить к оценке каждого человека.

Нас спросят: а как поступать в отношении людей, отдавших свою жизнь на служение темным силам и идущих по пути активного богоборчества? Это уже совершенно особая тема. Все сказанное в данной беседе имело в виду широкий круг верующих и близко при-мыкающих к ним людей.

